

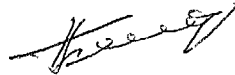
На правах рукописи

Белорыбкин Геннадий Николаевич

ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННОГО И
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
ЗАПАДНОГО ПОВОЛЖЬЯ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
(по археологическим данным)

07.00.06 – археология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск - 2003

Работа выполнена в Пензенском государственном педагогическом университете им. В.Г.Белинского

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук, профессор Белецкий Сергей Васильевич

Доктор исторических наук, профессор Белавин Андрей Михайлович

Доктор исторических наук Богачев Алексей Владимирович

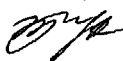
Ведущая организация - Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана

Защита состоится 3 июня 2003 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д.212.275.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Удмуртском государственном университете по адресу: 426034 г. Ижевск, ул.Университетская, 1, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Удмуртского государственного университета

Автореферат разослан "24" августа 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.и.н., доцент

Журавлева Галина Николаевна

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена определению содержания и динамики хозяйственного и этнокультурного развития Западного Поволжья в эпоху средневековья

Предметом исследования является процесс развития крупного региона в центре европейской части России, в социально-экономическом и этнокультурном плане, а также территориальные особенности и динамика изменений локалитетов разных уровней, в условиях становления и взаимоотношения средневековых государств. Подобное явление раскрывается особенно ярко на фоне общих процессов в Восточной Европе. Благодаря этому выделяются как общие тенденции, так и локальные варианты, от отдельных археологических районов до зональных, включающих различные культуры и государства

Объектом исследования является археологические памятники V-XV вв., расположенные в Западном Поволжье, их материальная культура, а также результаты исследований смежных наук - антропологии, металлографии, палеоботаники и палеозоологии.

Тема в региональном аспекте изучалась в основном за пределами Западного Поволжья, а в самом регионе она затрагивалась лишь эпизодически. Это породило множество проблем. Наиболее актуальными из них стали такие как влияние Древней Руси и Волжской Булгарии на культуру народов Западного Поволжья, соотношение материальной культуры с этносом, миграция народов, торговля.

Изучение истории отдельной территории предполагает комплексный подход и использование всех видов источников. Разнообразие источниковой базы предполагает и особую методику исследования.

До сих пор основой всех исторических построений была методология, базирующаяся на единстве законов развития всех сфер жизни общества и их одновременности и потому при исторических построениях археологи любое изменение в материальной культуре пытались объяснить общими социально-политическими процессами. Это, в конечном итоге, привело к одностороннему взгляду в изучении древней и средневековой истории

В то же время исследователи самых разных научных дисциплин давно подметили неравномерность развития разных сфер исторического процесса. Так экономическое развитие региона может отставать или опережать политическое развитие, а социальное вообще законсервироваться, что совсем не означает превосходство одного народа над другим, а свидетельствует об особенностях развития этноса, тесной связи с природными, экономическими и политическими условиями. С учетом локальных особенностей эти процессы становятся еще более разнообразными, и проследить все многообразие форм и путей развития можно лишь с помощью методических приемов теории диффузии инноваций. В то же время, некоторые источники, например, письменные в зависимости от времени и места написания могут искажать реальные исторические события. Причем проверить объективность того или иного события мы можем зачастую опять же только исходя из письменных источников (например, названия племен, родственные связи, даты, походы и т. п.).

Археологические источники отражают, как правило, материальную сторону жизни общества и даже не жизни, а точнее ее результатов. Причем, чем спокойнее жизнь, тем труднее ее зафиксировать. Но даже то, что остается в земле

показывает, что развитие материальной культуры идет по своим законам, независимо от письменной, этнической, языковой и антропологической истории. Более того, даже в пределах археологических источников есть особая сфера - это могильники, где духовные представления выражаются через материальную культуру. Поэтому довольно часто исследователям приходится объяснять иррациональность явлений рациональной логикой.

Археология выработала типологические методы для анализа материальной культуры, однако до сих пор большинство из них ограничены либо небольшими территориальными рамками, либо узким спектром изделий. Это вполне объяснимо, учитывая огромное количество материалов, раскопанных археологами. Однако для того, чтобы раскрыть внутренние законы развития всей материальной культуры, необходимо создавать общие классификации, базирующиеся на комплексном методе изучения материалов. Число соответствующих исследований постоянно растет, но большинство из них пока связаны с выделением сильных связей между категориями вещей. На наш взгляд, более перспективным является выделение особых комплексов, имеющих пространственные, хронологические, предметные связи. В экономической географии это направление получило название локалитет и может опосредованно использоваться в археологических исследованиях. Так, например, на могильниках таким критерием отвечают отдельные погребения, которые могут выступать в роли базовой единицы и благодаря которым можно проследить эволюцию не только самих предметов, но и памятника в целом, выделив в нем хронологические, типологические, культурные изменения. Это позволит перейти от широких датирующих и территориальных рамок к узким, как на самом могильнике, так и в регионе в целом. На региональном уровне базовой основой становится группа памятников. Подобная методика довольно успешно апробирована в трудах В.Б.Ковалевской, Г.Е.Афанасьева, А.Е.Леонтьева.

В связи с этим, мы считаем необходимым провести изучение региона сначала по разным категориям источников (археологическим, письменным, антропологическим, топонимическим) и лишь после подведения итогов сравнить и сопоставить их между собой, но не на уровне констатации, а критически осмысливая те или иные совпадения или противоречия. Тем самым мы осуществим критику источника не только в рамках отдельного вида, но и комплексно. Совокупный анализ позволяет использовать также и ретроспективный метод, выделяя наиболее достоверные факты.

Хронологические рамки определяются временем существования в Восточной Европе раннефеодальных государств. Это с одной стороны приводило к возникновению новой социально-экономической формы существования, а с другой стороны коренным образом меняло этническую картину Восточной Европы. Процессы, протекавшие в Западном Поволжье являются типичными для большинства окраин раннефеодальных государств, но в этом регионе, где переплелись интересы двух держав, они выступают наиболее ярко и протекают более интенсивно. Более того, все это нашло свое отражение в различных источниках. С учетом методик археологического датирования, существующих в работах Г.А.Федорова-Давыдова, А.В.Богачева, возможно построение общей периодизации развития региона

Источниковая база, таким образом, характеризуется широчайшим спектром. Основой служат, прежде всего, археологические материалы, включающие

многочисленные памятники (могильники, поселения, клады) и огромное количество археологических предметов. Благодаря исследованиям археологов Татарстана, Чувашии, Мордовии, Марий-Эл, Ульяновской, Пензенской, Самарской, Рязанской, Нижегородской областей, Москвы, Воронежа и других археологических центров были введены в научный оборот и обработаны многочисленные материалы, позволяющие реконструировать картину развития материальной культуры региона в динамике.

Значительный пласт источников составляют письменные свидетельства русских летописцев и арабо-персидских путешественников, которые позволяют с одной стороны интерпретировать некоторые явления материальной культуры, а с другой стороны освещают те факты, которые не имеют материальной основы. Это в основном политические и военные события, а также наименование племен и народов, их нравы и представления. Эти материалы дополняют данные топонимики, антропологии, языкознания, естественнонаучных дисциплин, что позволяет раскрыть наиболее объективно картину событий.

Научная новизна состоит в том, что наряду с вводом новых материалов, используются и современные методы их обработки и изучения средневековой истории Западного Поволжья, например, такой как пространственно-хронологический метод и методические достижения в области теории локалитетов и диффузии инноваций. Многие десятилетия история региона изучалась либо по национальному признаку, либо по культурному. Однако, накопившиеся источники и, прежде всего археологические, давно уже вышли за рамки национально-культурных автономий и поэтому потребовались новые подходы. При комплексном анализе, дающем наиболее достоверную информацию, заново были изучены первоисточники, выводы по которым делались сначала по отдельным отраслям и категориям, а затем сопоставлялись, как во времени, так и в пространстве. Это позволило снять имевшиеся противоречия существования в рамках одного государства или археологической культуры разных этносов и материальных культур, иногда выходящих далеко за пределы региона.

Научно-практическое значение и апробация результатов исследования.

В настоящий момент самое серьезное значение приобретает достоверность описываемых событий и потому воссоздание реальной картины исторических событий в Западном Поволжье на фоне радикального переосмысления исторического наследия, вплоть до идей А.Т.Фоменко, позволяет подвести серьезный фундамент под ныне существующие и будущие исторические построения. Будь это нашествие, монголов (сражения? которыми фиксируется большим числом материалов) или существование народов и государств - все это подкрепляется, прежде всего, археологическими свидетельствами, а также письменными источниками разных стран, данными языка, антропологии и т. д.

На базе материалов, введенных в оборот, возможно развертывание научных исследований как в отдельных направлениях (погребальный обряд, этнос, оружие, торговля и т. д.), так и по регионам (выделение локальных особенностей), что в конечном итоге позволит создать археологическую шкалу древностей хотя бы на уровне Западного Поволжья. Учитывая, что этот регион находится в центре Восточной Европы - то подобная шкала может стать ключевой во всей восточноевропейской истории средневековья.

Несомненно, эти материалы станут основой при написании учебных пособий, организации музейных выставок, лекций, паспортизации.

Полученные в диссертации выводы и предложенные на их основе реконструкции нашли свое отражение в 56 научных публикациях, 32 энциклопедических статьях и 11 региональных археологических и исторических картах автора общим объемом свыше 40 п. л., в том числе в авторской монографии, опубликованной в 2001 году. В популярной форме выводы автора изложены в 5 учебных пособиях общим тиражом 43 тыс. экземпляром, два из которых были утверждены в качестве регионального школьного учебника. Результаты исследований доложены на международных, всероссийских конференциях и симпозиумах в Казани, Ижевске, Москве, Самаре, региональных конференциях в Пензе, Казани, Ижевске, Саранске, Саратове, Йошкар-Оле в период 1994-2002 гг. Выводы автора излагались неоднократно в виде докладов на заседаниях Национального центра археологии Института истории АНТ в Казани, на заседаниях отдела славяно-финской археологии ИИМК в Санкт-Петербурге, на заседании сектора средневековой археологии ИА РАН в Москве. Особенно большую помощь в работе оказали сотрудники отдела славяно-финской археологии ИИМК, за что выражаю им большую благодарность.

Структура и содержание работы

Работа состоит из "Введения", четырех глав, "Заключения" и библиографии по проблеме (511 названий). Приложение включает в себя рисунки, таблицы, графики и карты на 83 листах

Во "Введении" приведено обоснование темы, обозначаются задачи и определяется круг проблем, решаемых в диссертации

Первая глава "История изучения средних веков Западного Поволжья" посвящена анализу существующей литературы по историографии темы исследования, истории развития археологии в регионе и накопления археологических и других источников по теме исследования. К началу XXI в. по средневековой истории Западного Поволжья накопился огромный пласт источников и научной литературы, созданный трудом либо отдельных ярких личностей, таких как Н.П.Рычков, И.Н.Смирнов, А.П.Смирнов, А.Спицын, А.Х.Халиков, либо большими коллективами ученых НИИ, вузов, и музеев Москвы, Казани, Саратова, Самары, Саранска, Йошкар-Олы, Чебоксар, Пензы, Моршанска, Тамбова, Нижнего Новгорода, Ульяновска, Муром, Рязани. За все время археологических исследований, насчитывающее более 100 лет, в фондах различных учреждений накопились богатые коллекции, большинство из которых, к сожалению, до сих пор не введены в научный оборот. Наиболее интенсивные пополнения фондов пришлось на период функционирования комплексных и совместных экспедиций, таких как Средне-Волжская, Куйбышевская, Антропологическая, Мордовская, Марийская и другие. Результаты их исследований были опубликованы в специальных трудах экспедиций, что позволило значительно углубить наши знания о древней и средневековой истории не только Поволжского региона, но и страны в целом. В результате изучения материалов автор выделяет два периода в существующей историографии, которым соответствуют параграфы главы

В первом параграфе автор рассматривает историю изучения Западного Поволжья в XVIII - начале XX вв. и пути развития исторических, археологических, этнографических, лингвистических знаний. Характерной чертой первых попыток изучения истории народов Западного Поволжья, пришедших на вторую половину XVIII в, являются комплексные экспедиции, организованные Российской Академией Наук,

такие как Академическая экспедиция (1768-1774 гг.) под руководством П.С.Палласа и при участии И.П.Фалька, И.И.Лепехина, Н.П.Рычкова, И.Г.Георги. Отличительной чертой этих исследований являлось то, что они проводились по специальным программам и на высоком профессиональном уровне. Тем более, что в это время по истории региона существовали описания лишь иностранных авторов, в которых было много пробелов, а иногда и предвзятых суждений (Strahlenberg P.J., 1730; Проезжая по Московии, 1391). В результате была собрана огромная коллекция этнографических, лингвистических и исторических материалов, большинство из которых стали связующей нитью между современностью и древней историей. Впрочем, в своих опубликованных трудах они не только приводили описание увиденного и услышанного, но пытались объяснить происхождение народов и их особенностей. Фактически XV||| в. стал временем зарождения традиций научного изучения истории народов Поволжья, в котором пока преобладало описательное начало. А на первом месте были этнографическое, лингвистическое и географическое направления. В то же время комплексное описание не замыкалось на отдельном народе, а раскрывалась на фоне всего Волго-Уральского региона. Такая широта изложения материалов вполне объяснима слабостью источниковой базы и абсолютной неизученностью истории народов.

В первой половине XIX в. Х.Д.Френ открыл новые страницы в изучении средневековой истории, опубликовав известия Ибн-Фадлана о Волжской Булгарии и, занявшись нумизматикой (Frahnh.Ch.M., 1823; ФренХ.Д., 1832). После этого на протяжении ста лет продолжались открытия новых рукописей арабо-персидских авторов, что значительно обогатило наши знания о народах Восточной Европы. Если до середины XIX в. история России излагалась преимущественно по русским летописям, то после Х.Д.Френа на первый план вышли восточные источники, особенно при изучении Западного Поволжья.

Среди ученых, опубликовавших эти материалы, были такие выдающиеся ориенталисты как Д.А.Хвольсон, А.Я.Гаркави, А.Куник, В.Розен, В.В.Бартольд. В своих примечаниях они большое внимание уделили информации о булгарах, буртасах, руссах, хазарах. В изучении истории региона яркий след оставили труды таких крупных ученых, как картограф А.Ф.Риттих, археолог А.А. Спицын, историк И.Н.Смирнов, языковед Х.Паасонен.

Наиболее подробно этнокультурные особенности финских народов Западного Поволжья осветил профессор Казанского университета И.Н.Смирнов. В книгах "Мордва" (1889) и "Черемисы" (1895) он большое внимание уделил вопросам этногенеза этих народов и определения истоков отдельных традиций в материальной и духовной культуре. В своих исследованиях он использовал как этнографические материалы, так и письменные древнерусские и арабо-персидские источники

Наряду с изучением средневековой истории мордвы, большое внимание уделялось вопросу о происхождении татар Поволжья. Большинство исследователей придерживались теории о татаро-монгольских корнях современных татар. По мнению Н.Рычкова, С.М.Шпилевского, СМ Соловьева и других ученых татары пришли сюда в XIII в. вместе с ордами Батыя. По мнению же таких исследователей как Ш.Марджани, И.Н.Березин предками татар были волжские булгары.

В археологическом плане важнейшее значение для поволжского региона сыграли исследования, проводимые во второй половине XIX в. А.А.Спицыным. В сферу его интересов входили памятники всех эпох, в том числе и средневеково-

вых. Им были исследованы мордовские памятники на Мокше и Цне. могильники - Ефаевский и "Казбек", городища Жуковские, а также собрана огромная картотека археологических памятников Поволжья (Спицин А.А., 1901). До настоящего времени опубликована лишь часть этих материалов, хотя они и сегодня представляют большую ценность, так как многие из упомянутых у него памятников либо распаханы, либо забыты.

Помимо А.А.Спицина свой вклад в изучение средневековых памятников внесли краеведы, входившие, как правило, в состав местных Ученых архивных комиссий (УАК), создание которых значительно стимулировало исследовательскую деятельность. Благодаря трудам УАК Саратова, Нижнего Новгорода, Пензы, Тамбова сохранились сведения о многих археологических памятниках региона, раскопки которых также зачастую проводилось на средства комиссий (Известия УАК). Одновременно начали распространяться и грабительские раскопки, вещи из которых шли на продажу, а памятники разрушались.

Впрочем, краеведы занимались не только археологическими исследованиями, среди них было много знатоков истории, этнографии, географии, языка. В своих трудах они пытались рассматривать, в том числе средневековую историю своих губерний.

Таким образом, в изучении средневековой истории Западного Поволжья в XIX в., наметились совершенно четкие тенденции развития и определились главные направления исследований. Это, прежде всего изучение истории отдельных народов, что было характерно для ученых крупных центров и сравнительно-сопоставительный анализ этих народов. В этих работах преобладал этнографический аспект, но уже проявилась тенденция по привлечению источников из смежных областей. И здесь на первый план вышло направление, связанное с изучением восточных письменных источников, что было обусловлено сильными восточноведческими школами в Казани, Москве и Санкт-Петербурге. В конце века все большее внимание стали обращать и на археологические источники. Отличием исследований на местах (членами УАК и отдельными краеведами) явилось то, что они, как правило, не замыкались в рамках одного народа или типа источников, а старались раскрыть территориальный аспект в истории.

В результате изучения средневековой истории в XIX в. значительно продвинулось и заложило серьезный фундамент для дальнейших исследований в следующем столетии. Одновременно с этим выявились и проблемы, многие из которых определили развитие науки. Основная масса исторических построений в тот период базировалась на письменных и этнографических источниках, поэтому встал вопрос о достоверности этих источников, об их истоках, о соотношении письменной истории с археологическими памятниками, языковыми и антропологическими особенностями.

Во втором параграфе автор подводит итоги изучения Западного Поволжья в XX в. Уже в первой половине века интерес к истории региона значительно возрос, что было обусловлено новыми методологическими подходами и ростом национального самосознания. В то же время для этого времени характерны резкие политические перемены, что наложило свой отпечаток на все формы деятельности ученых и суть исторического познания. В ходе гражданской войны были утеряны многие археологические коллекции и документы.

В организационном плане изучение средневековой истории региона практически полностью стало вестись в рамках того или иного народа. В Западном

Поволжье - это, прежде всего мордва, марийцы, чувашы, татары. Этому способствовали два обстоятельства - создание национальных НИИ и разгром краеведческих организаций. Пострадали не только организации, но и такие видные археологи как П.С. Рыков, А.А. Кротков, Н.К. Арзютов и другие.

В рамках национальных НИИ, созданных в 30-е годы XX в, активное развитие получают такие направления как языкознание и этнография, через призму которых затрагивалась средневековая история отдельных народов. Параллельно с местными исследователями активное участие в изучении региона принимали экспедиции из Москвы, а также зарубежные ученые.

Изучением мордвы занимались советские и финские языковеды и этнографы (А.А. Шахматов, М.Е. Евсевьев, Х. Паасонен, Б.А. Серебренников, Е. Итконен и др.), которые пришли к выводу, что мордва был общий язык, который в середине I тыс. н.э. разделился на две ветви (эрзя и мокша). При этом они отмечали сильное влияние балтских языков.

Чуваши в начале века занимался российский этнограф Г. Комиссаров, сделавший вывод о смешанных тюркско-финских корнях чуваш и финны У. Холмберг, А. Хамелейнен, отмечавшие большой пласт финских черт у чуваш. В то же время Н.И. Ашмарин обосновал болгарскую (суварскую) теорию происхождения чуваш, которая впоследствии стала господствующей. Н.Н. Поппе выдвинул гипотезу о древнетюркском происхождении чувашского языка, которую поддержали В.В. Бартольд и М.Г. Худяков, связав появление древних тюрков с хуннским нашествием.

Особое внимание в первой половине XX в. уделялось средневековой истории татар Поволжья, являвшихся здесь самым большим народом после русских и живших практически по всему Среднему Поволжью. Изучение татарского языка привело исследователей к выводу о его близости с кыпчакской группой языков. Эти выводы позволили впоследствии выдвинуть точку зрения о кыпчакском происхождении татар, которые окончательно были отарены в Золотой Орде (М.Г. Сафаргалиев, М.Н. Тихонов). В то же время накопившиеся сведения письменных источников о волжских булгарах и их территориальное расположение указывали на тесную связь истории Волжской Булгарии с историей татар, что дало возможность целому ряду историков (М.Г. Худяков, Н.Н. Фирсов и др) выдвинуть и обосновать теорию болгарского происхождения поволжских татар.

Возникшие разногласия на средневековую историю народов региона, на пути и территорию их происхождения, потребовали привлечения дополнительных источников и в первую очередь археологических. Но в первой половине XX в. их изучение только начиналось и было в основном уделом либо одиночек, либо экспедиций из Москвы. В это время было открыто множество памятников, ставших впоследствии эталонными для исторических построений.

Этот период характеризуется активной работой по составлению археологических карт, например, А.А. Кротков "Материалы к археологической карте Кузнецкого уезда" (1913). Помимо этого в различных сборниках публикуются результаты археологических разведок.

Однако археологи не ограничивались только археологическими раскопками и составлением карт. В это время они, наряду с историками, издали целую серию обобщающих работ по древней и средневековой истории Поволжья. Среди них особую роль сыграли работы А.А. Спицына "Древности бассейнов рек Оки и Камы" (1901), П.С. Рыкова "Очерк по истории мордвы" (1933), Ю.В. Готье "Железный век в Восточной Европе" (1930), А.А. Кроткова "К вопросу о север-

ных улусах золотоордынского ханства" (1928), в которых авторы рассмотрели как территориальные особенности археологических памятников, так и исторические корни местных народов.

В целом первая половина XX в. характеризуется малочисленностью специалистов в области средневековой истории, особенно в городах региона. Соответственно практически не появлялось крупных обобщающих работ. Однако это не означает, что работа не велась. История послевоенных достижений исторической науки свидетельствуют о том, что в предыдущий период шло активное накопление источников и их обработка. Особенно активную деятельность развил А.П. Смирнов, который проводил исследования практически по всему Поволжью. В результате уже в 1940 г. появилась его работа "Очерки по истории волжских булгар", в которой автор попытался обобщить накопленный материал по истории булгар и "Очерк древней истории мордвы", где история мордвы освещалась через призму археологических источников.

После окончания Великой отечественной войны начался бурный подъем в изучении средневековой истории СССР, в том числе и территории Западного Поволжья. Наиболее яркими событиями в 40-60-е годы XX в. стали научные сессии по этно[энезу татар (1946), чуваш (1950, 1956), мордвы (1964), коми (1967). На них собрались представители разных научных дисциплин (археологии, истории, языкознания, антропологии, этнографии) из центральных и местных научных учреждений, которые пытались реализовать комплексный подход в изучении истории. Изданные впоследствии материалы красноречиво свидетельствуют о бурных дискуссиях и поиске точек соприкосновения для определения реальных путей формирования того или иного народа. Наиболее оживленные споры касались средневекового периода, где, по мнению большинства, и зарождались современные народы Поволжья.

Так при обсуждении проблемы средневековой истории татар, большинство ученых пришли к выводу, что предками казанских татар было население Волжской Булгарии. Но при этом одни считали предками татар только булгар, другие - настаивали на многокомпонентности корней, включая сюда местное небулгарское население и кыпчаков. Помимо этого были обсуждены вопросы, относящиеся к датировке памятников, контактов с другими территориями и намечены перспективы дальнейших исследований. Исходя из этого, в последующие годы, археологи уделяли особое внимание изучению памятников раннебулгарского времени и организации широкомасштабных разведок.

Следующим шагом в истории изучения Волжской Булгарии и прилегающей с запада территории, стали научные сессии по чувашам 1950, 1956 гг., на которых собрались практически те же специалисты, что и на сессии по татарам. Но здесь разгорелись самые настоящие страсти за булгарское наследство. Ученые разделились на две группы. Одни придерживались автохтонной теории происхождения чуваш и связывали их корни с местным финно-угорским населением, на территорию которого, по мнению П.Н. Третьякова в начале I тыс. н.э. пришли тюркские племена (1950). Другие поддерживали булгаро-сувазскую (суварскую) теорию Н.И. Ашмарина, но победила перваюточка зрения. Таков был вывод на первой сессии.

Но это решение не нашло поддержки у местных исследователей и они организовали вторую сессию, где преобладающей стала булгаро-сувазская или миграционная теория. Ее поддержал в частности А.П. Смирнов, который ранее придерживался автохтонной точки зрения, но здесь вынужден был согласиться

с возможностью прихода сувар после монгольского нашествия (1956) Особенно активно на этом настаивали языковеды, которые отнесли чувашский язык к болгарской группе тюркских языков, что позже нашло свое отражение в исторической энциклопедии (Советская историческая энциклопедия, 1976. С.86).

Значительно спокойнее прошла сессия по этногенезу мордвы в 1964 г. Большинство участников высказалось за единую культуру мордвы, которая в ходе своего развития разделилась на две группы Истоки мордвы, по мнению П.Н Третьякова и других, были связаны с городецкой культурой, а затем на нее оказали сильное влияние Волжская Булгария и Древняя Русь (1965). В этой сессии участвовали и те, кто выступал на сессиях татар и чуваш, а потому здесь продолжились споры о роли болгар в средневековой истории Поволжья. Помимо этого обсуждалась проблема бургас и их связи с мордвой. Особое внимание при этом уделялось поиску археологических подтверждений историческим построениям.

Последующие исследования археологов выдвинули на первый план идею о разделных истоках формирования мокши и эрзи. Помимо этого были предложены различные периодизации в развитии мордовской материальной культуры Все это стало возможным благодаря активным археологическим работам, развернувшимся во второй половине XX в.

Обсуждение этих тем продолжилось и в следующем 1965 г на сессии по этногенезу марийского народа Тем более, что в результате обсуждения истоков марийцев все пришли к выводу о многокомпонентном™ их формирования Было отмечено, что марийский язык и одежда очень схожи с мордовскими, а жилье с удмуртскими традициями. При этом антропологический тип марийцев имеет общую основу с мордвой, удмуртами и чувашами. В то же время до сих пор в марийском эпосе ярко выделяются элементы влияния киммерийского мира, существовавшего в I тыс. до н.э. далеко на юге, среди Кавказских гор.

Важнейшим итогом всех этих сессий можно считать тот факт, что история всех народов Западного Поволжья тесно переплетена между собой и, что решение существующих проблем возможно лишь через совокупность всех видов источников. Однако эти выводы не получили достойного продолжения и основная масса исследований по-прежнему ведется по отдельным направлениям.

Одновременно с археологическим изучением народов Западного Поволжья, большое внимание уделялось изучению письменных источников, в которых затрагивались события связанные с историей региона. Среди множества документов необходимо отметить, прежде всего, публикацию С.А.Аннинским известий венгерских монахов (1940) и сборник арабо-персидских сообщений по истории Золотой Орды В Г.Тизенгаузена (1941) Однако наибольший след в изучении восточных источников сыграли работы Б.Н.Заходера, который проанализировал все известные восточные источники по истории Восточной Европы (Заходер Б Н , 1962, 1967)

В то же время письменные источники еще острее обозначили некоторые исторические проблемы Так в восточных источниках полностью отсутствует информация о мордве В то же время на той территории, где жила мордва часто упоминаются бургасы Споры ведутся вокруг определения маршрутов и количества походов руссов по Волге и по другим проблемам

Помимо письменных источников накопились довольно большие материалы по антропологии, этнографии и языкам народов Поволжья, что толкало ученых на создание обобщающих трудов, как по истории отдельных народов,

так и всего региона в целом Среди них преобладают работы по истории отдельных народов - мордвы, татар, чуваш, марийцев, буртас, болгар

В республиканских и областных учебниках средневековая история также рассматривается через культуры и народы В работах по истории крупных регионов или по археологии, тоже рассматривают историю по культурам и по категориям вещей в которых выделяются локальные особенности

Практически во всех работах средневековая история Западного Поволжья рассматривается лишь через призму истории народов Пожалуй, только в работе П Д Степанова "Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья" была предпринята попытка обобщения всех памятников региона (1962) Однако и он ограничился лишь составлением археологической карты, не углубляясь в исторические построения Наиболее разносторонне средневековые представлено в работе А Х Халикова "Основы этногенеза", правда и здесь оно изложено по каждому народу отдельно (1991) В итоге до сих пор так и не удалось создать общую картину развития данного региона и выделить общие традиции и закономерности История каждого народа развивается как бы сама по себе

Наиболее ярко это видно из историографических разделов в работах М Ф Жиганова (1976), Л А Голубевой (1987), Н Ф Мокшина (1993), Р Г Фахрутдинова (1975), И Б Васильева (1986) А Х Халикова (1989, 1991), В В Гошуляка (1995), Б А Васильева (1960) и других

В настоящее время наибольшую активность в изучении средневековой истории Западного Поволжья проявляют археологи Крупнейшие региональные археологические центры расположены в Казани, Самаре и Саранске В других же городах региона (Ульяновск, Пенза, Саратов, Арзамас, Нижний Новгород) средневековой археологией занимаются лишь единицы В то же время проводятся и совместные исследования с археологами из Москвы

В целом вполне очевидно, что если в начале XX в основной приоритет в изучении средневековой истории принадлежал этнографам и историкам, то в конце века на первый план вышли археологи Это объясняется с одной стороны тем, что основные выводы историков по письменным источникам были сделаны уже в середине века и касались лишь отдельных моментов, а с другой стороны накопившиеся в большом количестве результаты археологических исследований оказались способными осветить огромные периоды в жизни многих народов и территорий Более того археологические артефакты иногда приводили к пересмотру выводов из письменных источников Это в свою очередь привело к абсолютизации археологических источников, предвзятости в их интерпретации

И хотя в ходе изучения средневековой истории Западного Поволжья были достигнуты значительные успехи, все же сохранилось много белых пятен и существует целый ряд дискуссионных тем, таких как пути формирования мордвы проблема буртас, пути формирования населения Волжской Булгарии, происхождение чуваш и так далее

Вторая глава "Историческая география Западного Поволжья" раскрывает пространственно-временную картину существования археологических памятников, что позволяет по-новому взглянуть на вопросы размещения памятников, формы и пути их развития

На территории Западного Поволжья одних только средневековых памятников насчитывается более 600 из которых лишь несколько десятков памятников

исследованы полностью. Основная масса, как правило, раскапывалась лишь частично или только зафиксирована разведочными работами. Среди аспектов, которые пока мало используются в изучении средневековой истории Западного Поволжья можно отметить пространственную характеристику археологических памятников. Сюда относится как расположение поселений и могильников на территории и относительно друг друга, так и территория распространения отдельных категорий сооружений и изделий.

Необходимо отметить, что изучение пространственного аспекта давно уже занимает важное место в трудах российских археологов (Афанасьев Г.Е., 1993; Ковалевская В.Б., 2000) и помогает решить множество задач, стоящих перед археологами и историками. При этом выяснилось, что этот аспект обладает собственными объективными критериями.

Исходя из этого, мы считаем вполне возможным рассматривать поселения и могильники как самостоятельный источник, независимо от культурной принадлежности. Это особенно важно, так как в подавляющем числе опубликованных работ, памятники Западного Поволжья исследуются через призму археологической культуры или этноса.

На наш взгляд культурные особенности лишь оказывают влияние на экономические, социальные и политические процессы и законы, но не определяют их, как это пытаются иногда доказывать исследователи, из национальных республик. Поэтому необходимо сначала изучить основные элементы развития общества и лишь, затем рассматривать степень влияния на них различных факторов. При таком подходе археологическая культура - это лишь один из уровней организации исторического пространства, где исходной единицей является конкретный памятник. В результате складывается довольно стройная система формирования пространственных структур: памятник-локальный куст - культура или район — регион, где памятник является низшим уровнем системы. При этом на каждом уровне сосуществуют специфические черты по отношению к более высокому уровню и общие-относительно более низкого уровня.

Особенности каждого уровня во многом зависят не только от места, но и от времени существования. Поэтому необходимо учитывать как природно-географические условия, так и время, в течение которого существовали памятники с присущими им чертами.

Первый параграф посвящен природно-географическим условиям на территории Западного Поволжья, расположенного на западном правобережье р.Волги, от впадения в нее р.Оки до Самарской Луки. С запада этот район ограничен реками Ока и Цна, а с юга - полосой лесостепи. Выбор этого региона обусловлен как природными особенностями, так и тесной взаимосвязью исторических судеб народов, населявших эту территорию, и событий происходивших здесь в средние века.

Территория Западного Поволжья была впервые выделена в качестве самостоятельного Волжско-Сурского района (№XIX) в конце XIX в. Д.И.Рихтером, который поделил территорию России на 24 района; "За основные признаки подразделения Рихтером приняты из физико-географических условий - почва, распределение влаги, климат, растительный покров..., из культурных условий - густота населения, занятия жителей, распределение земель на угодья; обращено внимание и на другие, подсобные признаки - плодородие почвы, развитие скотоводства, условия землевладения и землепользования, данные этнографического, историчес-

кого и административного характера" (Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А., 1899. С.229-230, карта). Эти же признаки позволяют выделять локальные области внутри Волжско-Сурского (Западное Поволжье) района.

В географическом плане указанная территория располагается в центре Европейской части России и занимает северо-западный склон Приволжской возвышенности и восточную окраину Окско-Донской низменности. Область находится в средних широтах и меридианах Русской равнины (53-56 гр.сев.широты, 42-49 гр. долготы). Для этой территории характерен умеренно-континентальный климат с повышением температур в теплую часть года с севера на юг, усилением морозности зимы с запада на восток.

В Западном Поволжье выделяется несколько локальных природных районов, каждый из которых имеет разный набор условий необходимых для хозяйственной деятельности человека, что накладывает отпечаток и на уровень развития отдельных отраслей производства. Традиционно физико-географические (природно-географические) районы (ФГР) представляют собой устойчивое, сочетание рельефа, климата, рек, почвы, растительного и животного мира. Исходя из этого на территории Западного Поволжья нами выделено 10 ФГР.

Крупные реки всех районов относятся к Волжскому бассейну (кроме бассейна Хопра) и текут в основном в меридианальном направлении. Необходимо также отметить, что географические условия во многом определяют местоположение и топографию поселений, так или иначе учитывающих рельеф местности, сельскохозяйственные и охотничьи угодья. Определенное влияние играл и климат, но все же главным остается хозяйственная деятельность людей. Именно этим, очевидно, объясняется то, что, большинство поселений расположены тремя группами на плодородных почвах и в зонах, удобных для земледелия.

Ландшафт региона довольно разнообразный. На востоке это Приволжская возвышенность с гористой местностью и сильно пересеченным рельефом. На западе — это заболоченные долины Оки и ее притоков. Большим разнообразием отличается и растительность региона. На севере - это хвойные и широколиственные леса, на юге луга и степи. Соответственно различаются и почвы. В лесах преобладают серые лесные почвы, в степях - черноземы. Помимо этого вдоль рек, существовали особые зоны.

Между этими регионами нет жесткой границы и потому в некоторых ФГР можно встретить сразу все черты. В соответствии с особенностями природно-географических условий формировался и хозяйственный тип населения.

В современном ландшафте запечатлено огромное количество информации об истории его развития. Это позволяет, в частности, восстанавливать историю природопользования. Наиболее консервативным элементом ландшафта, быстро реагирующим на изменение природной среды и вместе с тем долго сохраняющим признаки предшествующих состояний угодий и экосистем, является почвенный покров.

Группа почвоведов из Москвы (Е.В.Пономаренко, Г.Ю.Офман, С.В.Пономаренко) провела морфологический анализ почв, погребенных под оборонительными валами городищ Верхнего Посурья и Самарской Луки и установила, что на рубеже III тысячелетий после появления поселений почва начала активно подвергаться эрозии и зарастать лесом. В Посурье на правом берегу были распространены степи, а на левом берегу - леса на серых лесных почвах.

Во втором параграфе автор прослеживает географию расселения в про-

странстве по векам. Это позволяет определить территориальные особенности и определить тенденции развития. Средневековая эпоха включает довольно значительное число поселений и могильников, которые очень неравномерно распределены по региону, как во времени, так и в пространстве.

В настоящее время опубликовано множество статей и книг, в которых раскрывается хронология отдельных памятников, что позволяет проследить их существование во времени и выделить соответствующие этапы. Существующие хронологии, как правило, учитывают этапы развития только одной из культур Западного Поволжья и потому не могут в полной мере отразить процессы, происходящие во всем регионе. Для выделения общих этапов необходимо, на наш взгляд, рассмотреть историю памятников по векам. Это позволит более точно уловить основные тенденции развития.

Если для Сурско-Мокшанского междуречья характерно раздельное существование памятников, то на Средней Волге и Суры с VI по VIII вв. господствует гнездово-кустовой способ размещения. Эти памятники разрезали Западное Поволжье на северную и южную группы. В то же время территория р. Пьяны обезлюдела. Характерной чертой распространения поселений и могильников является их привязка к определенным физико-географическим районам. В Среднем Поволжье с приходом болгар резко меняется картина расселения. Преобладают курганные и грунтовые могильники, в то время как гнездовый способ размещения здесь исчезает и сохраняется лишь в Верхнем Посурье.

Картографирование всех памятников позволяет выделить несколько компактных территориальных групп. Первая - наиболее многочисленная, расположена в Примокшанье и на р. Теша. Вторая группа расположена в верховьях р. Суры. Первоначально памятники располагались компактно на правом берегу Суры, а затем заняли оба побережья Суры. Эта группа отделена сотней километров степного пространства от первой.

Среднее Посурье надолго опустело после ухода именьковцев. В то же время активно осваивалась долина р. Ока. Сначала это были памятники муромы, затем - древнерусские.

Наиболее серьезные изменения в это время произошли в Среднем Поволжье, где с X в. стремительно стали распространяться болгарские памятники. Только на западном берегу р. Волги появилось 167 поселений и могильников, от устья Свяги до Самарской Луки. Большинство памятников оказалось сосредоточено в междуречье Волги и Свяги. Отдельные памятники появились на водоразделе Свяги и Суры. И если памятники, вытянутые вдоль Волги располагались сплошным массивом, то памятники болгарского типа в Верхнем Посурье оказались оторванными от основной массы на 200 км лесной зоны.

После монгольского нашествия особенно пострадали памятники находящиеся в Среднем Поволжье и Верхнем Посурье. В Сурско-Мокшанское междуречье особых изменений не произошло.

В третьем параграфе автором рассматривается динамика расселения памятников Западного Поволжья. Было установлено, что на всем протяжении с VI по XV вв. в истории региона происходили значительные изменения, о чем свидетельствуют сильно меняющиеся территории распространения и уровень плотности расположения памятников. Это позволяет проследить диффузию нововведений в процессе развития поселений и могильников, выделить определенные периоды и определить локальные особенности каждой группы памят-

ников. В целом выделяется три периода

В первый период средневековой истории (VI - первая половина VIII вв.) определяющую роль в динамике развития поселений и могильников на территории Западного Поволжья играла именьковская культура, памятники которой разделили регион на две половины: северную и южную.

Весьма примечательна динамика распространения именьковских памятников. Они появились сразу во всех районах и большими группами. Динамика проявлялась в росте плотности поселений и освоения внутренних районов. Не менее массовым было и прекращение функционирования именьковских памятников. Если на Средней Суре эти памятники существовали до конца этапа, то есть до VIII в., то на Самарской Луке уже в VII в. появляются раннеболгарские памятники, что приводит к исчезновению именьковских поселений. Динамика распространения раннеболгарских памятников характеризуется постепенным распространением на север вдоль побережья Волги.

В результате распространения именьковской культуры на запад, территория проживания мордвы была разорвана на два района: Сурско-Мокшанский и Волго-Тешский. Дальнейшее развитие шло самостоятельно в каждом районе.

В первом районе памятники располагались не сплошной группой, а отдельными кустами. На южной границе распространения мордовских памятников можно выделить Сурско-Узинский куст.

Другой куст сложился в нижнем течении р. Мокша, также находящемся в лесной зоне, но только в низине со множеством болот. Для динамики распространения памятников в Примокшанье характерно южное направление. Важно отметить, что подобная ситуация оставалась стабильной на протяжении 200 лет.

Отличительной чертой динамики развития двух кустов Сурско-Мокшанской группы является то, что для Сурского куста характерно увеличение плотности поселений, а для Мокшанского — расширение территории обитания.

В Волго-Тешском регионе также происходят определенные процессы. Первоначально здесь существовало 4 могильника равноудаленных друг от друга на 200 км и более. Затем сформировался Тешский куст памятников. Для динамики этого куста характерна стабильность и освоение внутренних районов. В природном отношении — это лесная зона с сильно пересеченной местностью и в целом удобная для различных промыслов. Тем не менее в VI в. население покидает бассейн р.Пьяны и возвращается туда только в XI в.

Одновременно с Тешским кустом идет формирование и развитие Окского куста памятников муромы, на левом берегу р.Оки, напротив устья р.Теши. Динамика этих памятников характеризуется равномерным расселением вдоль Оки, по левому берегу, как вверх по течению, так и вниз.

Таким образом, на первом этапе наблюдается неравномерность в темпах развития и направлениях динамики изменений. Складывается несколько локальных групп, или кустов, которые объединяются в отдельные районы и взаимодействуют друг с другом с разной интенсивностью. В результате, в первом периоде, выделяется этап стабильного развития (VI-VII в.) и этап серьезных перемен (конец VII - первая половина VIII вв.). Наиболее крупные изменения произошли в Среднем Поволжье, где исчезли именьковские памятники и появились раннеболгарские.

Второй период в истории региона (вторая половина VIII-IX вв.) определяется распространением мордовских и раннеболгарских памятников. Полностью

исчезают именьковские памятники, сохранившиеся в среднем течении Суры. Однако территория их обитания никем не заселяется, вплоть до конца эпохи средневековья.

В Сурско-Мокшанском районе сохраняются прежние тенденции и преобладают мордовские памятники. На левобережье Суры в среднем течении р Узы появляется группа памятников, относящихся к ранним буртасам. Причем возникает она почти в том же месте, где до этого обитала мордва (в районе с.Армиево). Отличительной чертой сурских памятников, как на левом, так и на правом берегу является гнездовый способ их размещения, как на именьковских памятниках. В VIII-IX вв. основная масса мордвы, вероятно, ушла на запад, а оставшаяся фактически была ассимилирована пришлыми племенами.

В Примокшанье в IX в. территория расселения остается практически неизменной, но при этом заметно увеличилась плотность населения. Особенно бурными темпами увеличивается количество памятников на р.Цне и в Вадо-Вышинском междуречье. В то же время на самой р.Мокше ситуация продолжает оставаться стабильной.

Серьезные изменения произошли в Волго-Тешском районе, где располагаются памятники мордвы-эрзи. На рубеже VIII-IX вв. резко сокращается количество памятников, как на Волге, так и на Теше. В то же время в устье р.Теша, на правом берегу Оки появляются муромские памятники, количество которых значительно увеличивается и на левобережье Оки. Вполне возможно, что часть населения со среднего течения р.Теша переместилась в устье и влилась в состав муромского населения.

В Среднем Поволжье вдоль всего побережья распространились раннеболгарские могильники. Для динамики их существования характерно исчезновение курганных могильников в Самарской Луке и широкое распространение грунтовых могильников к северу от Самарской Луки, вплоть до Нижнего Прикамья. Вполне очевидно, что уходит одна группа населения и приходит другая, но для всех характерен кочевой образ жизни, так как поселений ранних болгар практически нет. Этому способствовал и лесостепной характер местности, удобный для разведения скота

Общей чертой второго этапа стали значительные изменения в количестве и составе памятников, а также территориальные и культурные изменения. Опустело Среднее Посурье. В Верхнем Посурье появилась новая группа памятников. Значительно выросла плотность населения на Цне, Выше и Ваде. Исчезло множество памятников в Волго-Тешском районе. Увеличилось число муромских памятников и территория их распространения на Оке. Поменялись раннеболгарские памятники на Средней Волге. Исчезли курганные могильники и появились грунтовые. В то же время курганные захоронения появились в Верхнем Посурье.

На третьем этапе (X-XI вв.) наиболее серьезные изменения произошли в Среднем Поволжье, где широко и в большом количестве распространились памятники Волжской Булгарии. Среди них встречаются городища, селища и могильники. На правом берегу памятники вытянулись вдоль прибрежной полосы. На юге большая группа поселений во главе с городом "Муромский городок" расположена в Самарской Луке. На севере сначала возникли поселения в низовьях р.Свияги, а затем они стали распространяться на запад и заняли Сурско-Свияжское междуречье. Однако памятники здесь расположены очень редко. Наибольшее количество памятников расположено в среднем течении р Сви-

яга. В Волго-Свияжском междуречье расположены и города, например, Ошель. В свияжско-сурском междуречье-множество крепостей, селищ и могильников. На западе болгарские селища достигли среднего течения Суры.

Особая группа памятников болгарского типа сложилась в Верхнем Посурье, где в X в. еще бытовали мордовские поселения. В XI в. в Верхнем Посурье остаются только памятники с круговой посудой болгарского типа, которые широко распространяются по всему верховью и занимают как новые места, так и бывшие мордовские поселения. Для них характерно гнездовой способ расположения, когда вокруг городища концентрируются селища. Сами гнезда можно объединить в три группы: Неклюдовская-на р.Уза, Верхнесурская-в верховьях Суры и самая многочисленная Правобережная или Юловско-Золотаревская - на правом берегу Суры.

Определенные изменения происходят и в Примокшанье. С одной стороны сокращается территория распространения мордовских памятников (полностью опустело Нижнее Примокшанье), с другой стороны на Цне исчезла половина памятников, а в Вадинско-Мокшанском междуречье наоборот резко выросло количество поселений и могильников. В результате плотность заселения достигла уровня Волжской Булгарии. В то же время территория Мокшано-Сурского междуречья в целом оставалась незаселенной.

На р.Теша также происходят постоянные изменения. Сначала появились три городища, затем они прекратили свое существование и в XI веке количество могильников удвоилось. Причем все эти процессы происходили на небольшой территории в среднем течении р.Теша. Остальная территория к северу и востоку от Теши по-прежнему оставалась безлюдной.

Серьезные изменения произошли на Оке. К X в. муромские памятники достигли высокого уровня плотности, особенно в районе устья р.Теша. Но уже в XI в. эту территорию занимают древнерусские поселения, главное место среди которых приобрел город Муром, на правом берегу Оки, недалеко от устья р.Теша. От муромских памятников осталось лишь несколько могильников и поселений к северу от Мурома. Таким образом, наблюдается уменьшение числа памятников на Оке и их увеличение на р.Теша.

В четвертом периоде (XII - начало XIII¹ вв.) произошли крупные изменения и в Мокшанско-Цнинской группе. Территория распространения памятников резко сокращается. Одновременно в XII в. вдоль южной и западной границы мордвы, а также непосредственно среди южных мордовских памятников появляются поселения болгарского типа с коричнево-красной гончарной посудой (ККГП). Появились как смешанные поселения, так и собственно мордовские или буртасские, расположенные рядом друг с другом. Для поселений с круговой посудой характерно устройство мощных крепостей и селищ вокруг них в виде гнезд, как и в Верхнем Посурье. Особенностью динамики этого периода в Примокшанье можно считать активное продвижение с востока памятников Волжской Булгарии, а с запада — Древней Руси, что приводит к концентрации мордовских памятников в Вадо-Мокшанском междуречье.

Еще большие изменения происходят в Волго-Тешском кусте памятников. Снова удвоилось количество памятников на р.Теша, как за счет уплотнения, так и за счет расширения территории на юге и востоке. Причем на юго-восточной границе возникла целая полоса городищ, среди которых выделяется Саровское городище, как своими размерами, так и близостью к памятникам болгарского типа.

Новый куэтерзрянских могильников возник какквостоку отТеше-на р.Пьяна, так и к северу - на правом берегу Волги и в низовьях р.Оки Отличительной чертой северной группы является появление подкурганньх захоронений.

Продолжается активное освоение территории Поочья русскими поселениями. Полностью заселяется левобережье Оки и начинается освоение ее правого берега. Наиболее интенсивно этот процесс идет в устье Оки, где возникает еще один крупный древнерусский город Нижний Новгород (1221 г.). Особенностью окрестностей города является появление смешанных русско-мордовских поселений, а также сосуществование чересполосно русских и мордовских деревень.

В Среднем Поволжье в этот период ситуация остается стабильной. Продвижение булгарских памятников на запад и русских на восток стало характерной чертой динамики развития всего Западного Поволжья в этот период.

Но все эти процессы были приостановлены монгольским нашествием. Следствием этого явилась активная миграция булгарского населения на запад и север, а мордовского населения на юг и юго-восток.

Таким образом, в этот период (середина XIII-XIV вв) важнейшим фактором стало появление монгол в Восточной Европе и создание Золотой Орды, что повлекло за собой массовые запустения и миграции Так на Средней Волге исчезли поселения в верховьях Свияги, значительно уменьшилось количество памятников в среднем ее течении, как на правом берегу, так и особенно на левом. Характерно, что в бассейне Свияги продолжали существовать городища, в отличие от других территорий, где возникали только селища. Практически не пострадала лишь северная группа булгарских памятников, но и увеличения памятников здесь не произошло. Утверждения о массовой миграции населения в эти края не находят фактического подтверждения.

Среди общих тенденций развития региона после монгольского нашествия можно отметить гибель множества булгарских памятников и практически полное сохранение древнерусских поселений. Серьезные изменения произошли и с мордовскими памятниками. Так одна часть памятников мордвы-мокши Вадо-Мокшанского междуречья сосредотачиваются вокруг города Мохши, а другая переселяется на восток (Самарская Лука) и юг (верховья р.Медведица) Памятники мордвы-эрзи на Теше практически исчезают, а на Пьяне и Волге остаются не тронутыми.

Таким образом, несмотря на крупные изменения в динамике развития памятников Западного Поволжья, основные территория обитания большинства поселений и могильников сохранились, за исключением эрзянских памятников, которые переместились в основном на р.Пьяна и полного уничтожения поселений Верхнего Посурья.

Территория Западного Поволжья была заселена, судя по памятникам, очень неравномерно и осваивалась отдельными группами. Всего было выделено 6 крупных районов, внутри которых также существовало несколько локальных кустов памятников, которые появлялись, развивались и исчезали в соответствии с особенностями ФГР и динамикой развития соседних территорий. Среди них можно выделить постоянные зоны обитания, как с преобладанием памятников одной культуры (Теша, Мокша), так и со сменой населения (Среднее Поволжье, Верхнее Посурье, Нижнее Поочье), а также зоны временного обитания (Среднее Посурье, Пьяна, Цна).

Определенная связь наблюдается между положением групп памятников и физико-географическими районами (ФГР). Так Верхнесурская, Примокшанская,

Волготешская, Окская группы, где располагались памятники, мордвы, муромы, буртасы, русских находились в основном в лесной зоне и редко выходили за ее границы. В то же время памятники именьковской культуры и болгар располагались исключительно в лесостепных районах. Исключения из этого правила связаны в основном с особенностями отдельных этапов развития региона. Среди них наиболее яркие изменения связаны со вторым периодом, когда исчезли именьковские памятники в Среднем Посурье, которое с тех пор оставалось незаселенным в течении всего средневековья и с пятым периодом, когда мордовские памятники широко распространились по лесостепным и степным районам.

Третья глава "Хозяйственное развитие Западного Поволжья и его динамика" посвящена изучению динамики развития, как отдельных категорий предметов, так и целых видов, а также отраслей производства. Подобный отраслевой подход позволяет определить уровень технического развития разных отраслей и соотношение между ними, выделить приоритеты в разные периоды существования, установить общие тенденции и характерные черты. Однако для того чтобы детально проследить эту динамику необходимо выявить, прежде всего, хронологические и территориальные особенности этих отраслей. Традиционно же развитие регионов рассматривается через археологические и этнические культуры. Попытки исследования этой динамики через призму культуры приводят, как правило, либо к противопоставлению одинаковых явлений между собой, либо к неправомерному разрыву общих тенденций, каждая из которых объявляется особенностью отдельных культур.

Однако технический прогресс, диффузия инноваций и социально-экономическое развитие происходят по своим собственным законам, которые редко совпадают с культурными традициями. Использование же отраслевого подхода в изучении материальной культуры позволяет проследить ее самостоятельное развитие внутри и влияние внешних условий других регионов, определить основные закономерности и направления развития, выделить территориальные особенности, которые могут совпадать с культурными, а могут и не совпадать. Поэтому отраслевой принцип дает более реальную картину развития материальной культуры.

Фундаментом развития любого общества являются в первую очередь достижения в области средств производства, которыми в сельском хозяйстве выступали земля и сельхозугодья, в промышленности — производственные сооружения. В эпоху средневековья в сельском хозяйстве - это пашни, луга, леса и реки; которые давали основные продукты питания, а промышленность была представлена либо домашним производством, либо ремеслом, где средства производства представлены такими производственными сооружениями как печи и мастерские.

Необходимым элементом производства являются средства труда или орудия труда, при помощи которых изготавливали предметы производства. У каждой из этих сфер производства есть свои приемы и достижения, сочетание которых во многом и определяло развитие региона. В свою очередь они также подвержены влиянию культурных традиций и веяниям моды.

В связи с этим рассматриваются отдельно эволюция и достижения таких отраслей как сельское хозяйство, строительство, деревообрабатывающее, металлургическое, гончарное и другие производящие сферы, а также торговля.

Для определения технического, технологического и культурного уровня развития необходимо рассмотреть все элементы производства по отдельности. Это позволит в свою очередь выделить как местные традиции, так и общие достижения, а также их взаимосвязь.

При изучении сельского хозяйства рассматривается, прежде всего, развитие промыслов, земледелия и животноводства, а также достижения в области производства сельскохозяйственных орудий труда.

При изучении ремесла приходится учитывать, что в эпоху средневековья происходит переход от домашнего кустарного производства к товарному ремеслу, что довольно точно фиксируется археологическими материалами. Поэтому помимо определения достижений в ремесленной сфере необходимо проследить пути и формы этого перехода, а также динамику превращения территориальных особенностей либо в культурные традиции, либо в государственные, или их исчезновение под влиянием внешних и внутренних факторов.

В первом параграфе автор исследует различные стороны материальной базы сельского хозяйства. Учитывая, что на протяжении всего средневековья экономика региона была тесным образом связана с природной средой, сельское хозяйство (земледелие и животноводство) и промыслы являлись приоритетными отраслями производства, хотя они и не были единственным источником доходов. На первом этапе в середине I тыс. н.э. ведущая роль принадлежала промыслам, в начале II тыс. на первый план стало выходить земледелие и животноводство, а следом мощное развитие получили ремесла, часть которых стала обеспечивать село более высококачественными орудиями труда и перерабатывать сельскохозяйственную продукцию в больших объемах. Свой отпечаток на темпы и направления развития в сельском хозяйстве накладывали процессы миграции населения и транзитная торговля.

Сразу же необходимо отметить, что Западное Поволжье входит в зону рискованного земледелия, поэтому при низкой аграрной технике часто случались неурожаи и голод. В то же время в разных частях региона существовали разные возможности для развития земледелия и животноводства. Особенности природной среды во многом определяли пути и формы развития сельского хозяйства. На востоке и юге региона, в зоне черноземов, были благоприятные условия для развития стабильного и высокодоходного земледелия. Лесные районы способствовали развитию промыслов: охота, рыболовство, бортничество. Степные территории были удобны для пастушеского скотоводства. Все это предопределило большое многообразие сельскохозяйственной деятельности. При этом на разных территориях формирование особенностей сельского хозяйства шло по-разному.

Самым распространенным занятием на протяжении почти всего средневековья были промыслы. Среди них в Западном Поволжье преобладала охота на пушных зверей и сбор меда. В то же время на именьковских памятниках Среднего Поволжья и Посурья встречаются кости медведя, кабана, бобра, зайца, лося, а также рыбы. Такая же ситуация характерна и для других частей региона.

Письменные источники существенно дополняют информацию о животном и растительном мире в эпоху средневековья, а также об основных промыслах. Так Ал-Мукаддаси - о мехах соболевых, беличьих, горностаевых, куных и лесных куниц, лисьих, бобровых; зайца, козых шурах. Из этих же источников мы знаем и о развитии бортничества.

Особенно большое значение охота на пушных зверей приобрела, на наш взгляд в тот период, когда через территорию региона стали проходить международные торговые пути и возникли крупные государства, так, что можно было жить только за счет одного промысла.

Важнейшую роль в хозяйстве населения и географии его расселения играло земледелие. В лесной зоне - это была преимущественно подсечно-огневая система. В лесостепи использовали переложную систему.

Группа московских почвоведов реконструировала типы угодий, имевших на местах городищ Верхнего Посурья и Самарской Луки до строительства на них валов, и воссоздали сценарии природопользования в более ранние периоды с глубиной ретроспективы до 300-500 лет с момента погребения почвы, что позволило восстановить историю земледелия в этих районах.

Было установлено, что в эпоху средневековья, задолго до строительства городищ, существовало активное использование территории в подсечно-огневом и переложном земледелии, сопровождавшееся частой сменой лесных и открытых угодий, в ряде случаев по причине деградации почв (вплоть до полного ее смыва). На песчаных почвах огораживанию предшествовало использование участков в системе подсечно-огневого земледелия без вспашки, а на суглинистых - переложное земледелие с глубокой обработкой почвы рыхлящими орудиями.

По характеру исходных экосистем антропогенному использованию предшествовала лесная растительность. В одних местах она уменьшалась за счет распашки, в других из-за активного выпаса скота.

На именьковских поселениях в среднем течении р.Суры и в Среднем Поволжье встречены прямые свидетельства земледелия -ямы с обугленным зерном (пшеница, просо, овес, ячмень, рожь, полба, горох), что свидетельствует об активном развитии земледелия. В Среднем Посурье преобладали ячмень, рожь, горох. На Волге именьковцы кроме ячменя с горохом выращивали пшеницу, просо, овес. Этому во многом способствовали черноземные земли.

Традиции именьковских земледельцев были продолжены в Волжской Булгарии, включая Верхнее Посурье, где земледелие достигло уровня товарного производства. Об этом свидетельствуют многочисленные находки зерен злаков, среди которых встречались пшеница мягкая, ячмень, просо, полба. Довольно редко встречается рожь и овес. Из технических культур встречаются лен и конопля. В Волжской Булгарии применялась переложная система земледелия, свидетельством чего является чистота зерна и чему способствовали почвенно-климатические условия. О высоком уровне развития земледелия булгар довольно часто упоминали письменные источники.

На территории Среднего и Нижнего Примокшанья, на Цне и Теше следов земледелия в виде остатков злаков пока не известно, поэтому здесь приходится пользоваться другими источниками. Первое письменное свидетельство о земледелии в Примокшанье появилось лишь в сообщении русской летописи о войне с мордвой в 1228 г. В связи с этим вызывают большие сомнения утверждения некоторых исследователей о высоком уровне развития земледелия у мордвы уже в I тыс. н.э. Тем более что, для доказательства этого тезиса используются либо классификации орудий труда без хронологии, либо материалы именьковских памятников Среднего Посурья.

Таким образом, первым свидетельством появления земледелия в Западном Поволжье являются находки злаков на именьковских памятниках Средне-

го Поволжья и Посурья, расположенных, как правило, в лесостепной зоне на черноземных землях. На появившихся вслед за ними болгарских поселениях продолжилось развитие земледелия практически на той же территории, где располагались именьковские угодья. При этом в Волжской Булгарии перешли к массовому производству товарного зерна и стали вовлекать в сельскохозяйственный оборот новые территории. В Западном Поволжье это земли Верхне-го Посурья и Примокшанья.

Остальная территория за исключением земель вошедших в состав Древней Руси не имеет никаких следов земледелия. Однако, учитывая имеющиеся письменные свидетельства можно предполагать, что в ходе дальнейших исследований могут быть найдены свидетельства земледелия и на остальной территории. Однако, вряд ли их будет много, поскольку экономических условий для развития земледелия здесь не было.

Несмотря на обилие дичи, основную роль в мясном питании человека и хозяйстве играли домашние животные. Об этом свидетельствуют как археологические, так и письменные источники. Наиболее ранние относятся к середине I тыс. н.э., когда в Западном Поволжье появились именьковские поселения. На них встречено большое количество костей крупного рогатого скота и лошадей. Есть также кости мелкого рогатого скота, свиней и верблюдов. В целом в животноводстве на первом месте было разведение свиней, возраст которых, как правило, не превышал одного года. Останки же лошадей напротив принадлежали старым особям.

На юге региона стадо состояло в основном из крупного и мелкого рогатого скота (коровы, овцы, козы), а также лошадей и верблюдов. Практически отсутствовали в составе стада свиньи. Большую помощь оказывала собака. Зимой мелкорогатый скот, как правило, резали или угоняли на юг. Тоже самое было и в Волжской Булгарии. Среди пищевых отходов встречаются также и кости свиньи, которые связывают обычно с русскими поселенцами.

В животноводстве также, как и в земледелии, были свои общие черты и территориальные различия. Среди общих традиций можно отметить присутствие в составе стада крупного и мелкого рогатого скота и обязательно лошади. Среди особенностей выделяются, прежде всего, распространение в Среднем Поволжье и Посурье верблюдов, а также отсутствие в этих же районах свиней, начиная с возникновения Волжской Булгарии. В остальных же районах Западного Поволжья разведение свиней было на первом месте в животноводстве. Причем традиция эта пошла со времен появления именьковских памятников и стойко держалась на протяжении всего средневековья. Другая не менее стойкая традиция состояла в почитании лошади и длительном ее использовании в хозяйстве. В то же время на территории Волжской Булгарии лошадь очень активно использовалась в качестве пищи. Практически везде встречаются свидетельства разведения домашней птицы.

Основными свидетельствами существования земледелия у средневековых народов выступают, как правило, железные детали сельскохозяйственных орудий труда, такие как наральники, сошники, лемехи, чересла, а также каменные жернова и зернотерки. Помимо этого в земледелии использовались инструменты двойного назначения - это топоры, серпы, косы, конская сбруя. Многие к земледельческим орудиям относят и железные мотыжки, которые, на наш взгляд, использовались чаще всего как тесла в плотницком деле. Большинство же изделий были сделаны, конечно, из дерева, и до нас не дошли, поэтому о

них мы можем узнать либо по письменным и изобразительным источникам, либо по этнографическим параллелям.

Довольно часто к свидетельствам существования бортничества относят длиннолезвийные топоры, которые появились в мордовских погребениях в XII в. и исчезли в XIV в. Однако анализ находок таких топоров в погребениях свидетельствует о том, что, во-первых, их мало, а во-вторых, они встречаются вместе с комплексом оружия и конской сбруи. В целом для Примокшанья было характерно преобладание в экономике промысловых отраслей. То же самое, очевидно было на реках Теша и Пяна, а также у муромы на Оке. И лишь в начале XIII в. земледелие в Примокшанье, вероятно, становится одним из основных занятий.

Определенным своеобразием отличалась ситуация в сельском хозяйстве Среднего Поволжья и Верхнего Посурья, которое достигло высокого для XI-XIII вв. уровня. Можно говорить о существовании пахотного земледелия с применением тяжелого плуга, возможно с колесным передком, о чем свидетельствуют находки лемехов от плуга, чересла. При уборке урожая пользовались серпами, довольно развитых форм. Для хранения зерна сооружались специальные ямы или амбары, где зерно хранили в больших горшках или корчагах. Для переработки зерна пользовались ручными мельницами, в виде каменных дисков, значительных размеров. Основная масса сельскохозяйственных орудий труда и состав возделываемых культур относятся кбулгарскому типу. Особенности климата и природы края требовали стойлового содержания скота, о чем свидетельствуют, например, находки кос для заготовки сена.

Высшего уровня развития для эпохи средневековья достигли булгарские земледельцы и скотоводы в Среднем Поволжье. Об этом свидетельствует распространение тяжелого колесного плуга.

Важным подспорьем в хозяйстве являлись и промыслы. Судя по материальным остаткам можно выделить такие промыслы, как охота, рыболовство и бортничество. Еще одним промыслом, известным нам по археологическим данным, является рыболовство. Для ловли крупной рыбы применялись остроги.

В итоге становится вполне очевидным тот факт, что уровень развития сельского хозяйства зависит в первую очередь от внутренних потребностей, уровня доходности той или иной отрасли, а также плотности населения. Определённое влияние на него оказывала и торговля. В связи с этим в лесных районах Примокшанья со слабой плотностью поселений наиболее выгодным было занятие лесными промыслами, особенно добыча пушнины и меда, которые пользовались большим спросом на внешнем рынке. Земледелие же обеспечивало только внутренние потребности населения.

Поселения именьковских племен располагались более плотно и потребности в зерне здесь были выше, что заставило их использовать более развитые орудия земледелия. Помимо этого, они принесли с собой и определенные сельскохозяйственные традиции, которые так и не были переняты их соседями в VI-VIII вв. В Среднем Посурье, после ухода именьковцев, земледельческие орудия, да и сами поселения появились вновь лишь в XIV-XVI вв.

В Среднем Поволжье земледелие стало основой экономики уже в X в., а в Верхнем Посурье земледельческие орудия распространяются с XI в.

Характерно, что выводы по археологическим материалам практически не противоречат данным письменных источников, как в территориальном плане, так и во времени. Совпадают и сообщения об уровне развития сельского хозяй-

ства. Там, где были развиты промыслы, особенно пушной и бортничество, об этом много пишется в письменных источниках и, как правило, редко встречаются земледельческие орудия труда. Там же где развито земледелие - масса сообщений о пашнях и злаках и множество материальных свидетельств.

Наибольшее развитие сельское хозяйство достигло в Волжской Булгарии, но и то лишь, после того как появилось множество постоянных поселений, а торговля по Волге приобрела статус международной. Хлеб стали выращивать не только для внутреннего потребления, но и на продажу. Не меньшее значение имела и торговля пушниной, медом, воском, лесом и другими дарами природы. Поэтому Волжская Булгария, а вместе с ней и Древняя Русь стали стимулировать развитие этих видов деятельности у соседних племен, что неминуемо должно было привести к возникновению политических противоречий между этими государствами.

Второй параграф объединяет материалы, относящиеся к производственным сооружениям. Чтобы избежать общих суждений и выяснить реальную картину возникновения, становления и развития ремесла в связи с конкретными условиями на определенной территории, мы постарались распределить материал по векам и группам, а затем, при помощи картографирования показать время, место и значение процессов, происходивших в ремесле и экономике.

Необходимость создания безопасных условий жизнедеятельности требовала в эпоху средневековья активного развития военно-инженерной мысли, которая проявлялась, прежде всего, в выборе места и планировке поселений, а также сооружении крепостных стен. В этот период крепостные сооружения являлись составной частью средств производства, поскольку с одной стороны обеспечивали их стабильное функционирование, а с другой поглощали в себе их достижения.

Опыт изучения крепостных сооружений позволяет проследить эволюцию технической мысли и подойти к изучению сохранившихся до наших дней земляных насыпей как к сложнейшему инженерно-техническому сооружению с использованием передовых строительных технологий и учетом конкретного места. При таком подходе становится возможным проследить развитие инженерных знаний не только во времени, но и выявить связи с другими территориями, а также определить вклад местных инженеров в модернизацию оборонительных сооружений. Однако это требует специальных подходов при изучении валов.

На территории Среднего Поволжья это стало возможным благодаря исследованиям группы почвоведов из лаборатории экологического проектирования (Е.В. Пономаренко, С.В. Пономаренко, Г.Ю.Офман). Начиная с 90-х годов XX в., они провели обследование более десятка городищ IX-XII вв. Среднего Поволжья и* выработали точные почвенные критерии для дешифровки конструкции валов и выявления технологических приемов их сооружения. Основная масса памятников изученных по этим критериям сосредоточена в Верхнем Посурье, поэтому эти городища взяты за основу. В результате анализа технологических приемов сооружения земляных насыпей и строительства крепостных сооружений удалось выявить наиболее характерные для Верхнего Посурья приемы, такие как нивелировка поверхности, редкое использование внутривальных конструкций и т.д.

При строительстве отдельных валов и рвов использовались также и другие технологические приемы, такие как подсыпка в основании вала земляной подушки, сооружение плетня с наружной стороны вала, перекрытие слоев мокрым материалом (илом⁷) и другие.

Наряду с инженерными сооружениями большое значение играют такие производственные сооружения, как горы, печи, шахты. Сразу же необходимо отметить малочисленность этой группы материалов и сложность анализа в связи с самим процессом их использования, а также степенью изученности археологических памятников. С одной стороны они редко встречаются на поселениях, так как располагались за их пределами, а с другой стороны в процессе работы они часто разрушались и о существовании производственных сооружений можно судить лишь по ямам с остатками производственного цикла (руда, шлаки).

Среди археологических признаков существования производственных сооружений выделяют, прежде всего, сами сооружения (горы, печи, шахты), а также их детали (кирпичи, сопла). Сюда же относят как сырье (руда, уголь, глина), так и продукцию (железные крицы, бронзовые слитки), а также отходы производства (шлаки). Исследование производственных сооружений как самостоятельной отрасли позволяет проследить их внутреннюю динамику развития, как показал опыт, получить информацию о технических и технологических традициях. Правда, большинство работ посвящено лишь отдельной категории производственных сооружений на конкретной территории и в конкретное время (Город Болгар, 1988, 1996, Васильева И.Н., 1993). Мы же считаем необходимым выявить общие технологические навыки в строительстве производственных сооружений, требующих серьезных знаний в термодинамике, сопротивлении материалов и химических реакциях и других технологических отраслях.

В работе производственные сооружения рассматриваются по векам и отдельным территориям с описанием характерных деталей. Это позволило определить время и место появления, а также пути распространения технологических знаний и навыков в регионе. Необходимо отметить, что на территории Западного Поволжья имеются собственные залежи лишь железной руды, а все цветные металлы привозные. В то же время есть несколько крупных месторождений железной руды, среди которых самым мощным является Рябкинское месторождение в Среднем Примокшанье.

Наиболее ранние железоплавильные печи с предгорновыми ямами появились в Среднем Поволжье на именковских памятниках с VI в. Массовое же распространение производственных сооружений относится к X в. Характерно, что во всех ранних конструкциях использовался деревянный каркас, который встречается в производственных сооружениях Прикамья и Подонья. В целом создается впечатление, что, появление-подобных горнов связано с приходом болгарских племен в Среднее Поволжье. С этого времени куски криц и шлаков встречаются практически на всех поселениях Волжской Булгарии как на Средней Волге, так и в Верхнем Посурье.

Новый всплеск в развитии железоплавильных сооружений относится к золотоордынскому периоду. Так с XIII в. в Примокшанье начинает осваиваться Рябкинское месторождение. На поселениях вдоль р.Мокши (Полянки, Паньжа) появляются железоплавильные печи и множество сопутствующих элементов. Но главное это появление на месторождении шахты в виде длинной траншеи, что очевидно связано с ростом спроса на железо.

Итогом развития железоплавильного ремесла стало появление чугуноплавильного производства. Используя восточные технологии, жители Западного Поволжья в XIV в. освоили производство чугуна, свидетельством чего являются

как сами изделия так отходы и брак, которые встречены на памятниках Среднего Поволжья и Верхнего Посурья.

Параллельно с развитием железодельного ремесла шло медеплавильное производство. Однако в отличие от первого оно представлено в основном слитками и медеплавильными мастерскими. Медеплавильные печи обнаружены лишь на двух болгарских городищах X-XIII вв.

В Примокшанье встречаются в основном слитки. Самые ранние находки слитков относятся к VII в. В Среднем Поволжье в раннеболгарский период слитки не встречаются. Существенным образом картина изменилась с XI в. С этого времени слитки и капли бронзы, олова и свинца встречаются практически на всех крупных поселениях Волжской Булгарии, включая памятники Верхнего Посурья.

В Верхнем Посурье с XII в. появляются гончарные горны и связанные с ними детали, такие как штыри, запасы глины, бракованная посуда. Истоки этих горнов лежат в городах Волжской Булгарии, где они имели четкую специализацию. Местные горны были более универсальными. Все они расположены в землянках, служивших гончарными мастерскими.

Чуть позже подобные горны появляются и в Верхнем Примокшанье. В XIV в. на территории города Мохши появляются гончарные горны уже другой конструкции и больших размеров, рассчитанные на более массовое и качественное производство. Но и они расположены в землянках. Одновременно начинают функционировать и печи для обжига кирпича, из которого в Мохши строились дома.

Наибольшее количество гончарных горнов найдено на болгарских поселениях Среднего Поволжья. Здесь они были специализированными и предназначались либо для производства бытовой посуды, либо для поливной парадной. Наиболее подробная типология болгарских горнов разработана И.Н.Васильевой (Васильева И.Н., 1993). Характерно, что практически все поселения X-XIII вв. на которых найдены горны, расположены в Западном Поволжье. При этом большинство из них довольно однотипны. В XIII-XV вв. ситуация полностью меняется и теперь в Западном Поволжье гончарные горны найдены лишь на Наровчатском городище (Мохши).

В целом выявляется вполне ясная картина о решающем воздействии Волжской Булгарии на развитие производственных сооружений в Западном Поволжье. Это касается, прежде всего, гончарного и железоплавильного производства. Более самостоятельно шло развитие меднолитейного дела, но и здесь после прихода болгар в IX-X вв. резко увеличилось количество цветного металла. Позже в XII в. медное ремесло выделилось в самостоятельную отрасль, и* появились ювелирные мастерские.

В третьем параграфе автор довольно подробно исследует распространение во времени и пространстве металлообрабатывающего, деревообрабатывающего и универсального инструмента, а также различных приспособлений.

Наиболее полная информация по инструментам Примокшанья собрана в трудах И.М.Петербургского и М.Ф.Жиганова (Петербургский И.М., 1974; Алихова А.Е., 1959). Однако здесь материалы I тыс. до н.э. и I-II тыс.н.э. с памятников городищской культуры, мордвы, именьковцев перемешаны между собой и на этом основании делаются вывод о путях и уровне развития ремесла, что не всегда соответствует действительности.

Исследование инструментов позволяет проследить лишь одну из сторон

развития ремесленной деятельности в регионе, выявить особенности и достижения в сфере орудий труда.

В Примокшанье на протяжении всего времени с V по XV вв. постоянно использовались такие инструменты как литейные принадлежности (лячки, литейные формы), плотницкий набор (топоры, тесла, долота, скобели), кузнечный (клещи), а также ножи, резцы (ложкари), пряслица.

Литейные принадлежности были характерны с V по XI вв. для женских погребений I тыс. н.э. С XI в. в литейном деле начинается массовое производство, и оно переходит к мужчинам. С XI в. литейные принадлежности в погребениях практически не встречаются. В целом известно около 70 погребений с литейными принадлежностями, причем 46 из них найдены на р. Цне.

Втульчатые топоры, по мнению Е.И.Горюновой, характерны для всех финно-угорских племен и просуществовали до XI в. В IX в. появились молотки, в XI в. - вместо втульчатого топора стала распространяться так называемая пешня. В X в. началось активное внедрение проушных топоров, что привело к полному вытеснению втульчатых.

Особую группу инструментов составили длинные (бортевые) топоры, история распространения которых весьма своеобразна. На сегодня найдено уже 32 длинных топоров с 16 памятников. Большинство топоров датируется XI-XIII вв. Центр сосредоточения длинных топоров - это могильник Заречное II на р.Теша, где найдено 10 топоров.

На могильниках определился тесно связанный между собой набор, вместе с длинным топором можно включить нож с кресалом, топор обычный, пешню, наконечники стрел и копья, бронзовые кольца и котел, пряжки от ремня и какое-либо украшение, чаще всего сюльгама. Среди этого набора есть вещи распространенные, а есть довольно редкие. В целом перед нами предстает специфический набор предметов, характерный для военного быта, особенно если учесть, что в некоторых погребениях вместе с этим комплексом встречается и такие редкие предметы вооружения как сабля или щит.

Вызывает сомнение интерпретация тесла с квадратной втулкой как пешни. Особенно если учесть угол наклона лезвия, который по своим техническим характеристикам ближе к характерному углу для тесел, чем для пешни, у которой лезвие делалось, как правило, без наклона и в виде штыря. И даже втулка на этом предмете делалась несомкнутой, как у тесла. Тем не менее, название "пешня" укоренилось также прочно, как и название "бортевого" топора.

На Оке также наблюдается процесс замены втульчатых топоров проушными, которые начинают распространяться уже в VIII в. Одновременно появились пешни с круглой втулкой, которые просуществовали до X в, когда втулка становится квадратной. Очевидно, пешни стали продолжением традиции втульчатых топоров. После этого в XI в. пешни с квадратной втулкой распространились по Примокшанью, но уже со скошенным лезвием, что сближает их по функциональному назначению с теслами.

Помимо этого на Оке постоянно встречаются литейные принадлежности (лячки, тигли, литейные формы), имеющие сходство с мерянскими. У тех и других льячек левосторонний слив. Известно 25 погребений с литейными принадлежностями и большинство из них женские. Основная масса их относится к IX-XI вв. До X в. пользовались глиняными и костяными пряслицами, а затем начинают распространяться шиферные пряслица.

Почти одновременно с муромскими памятниками на Оке в Среднем Посурье и Среднем Поволжье появились именьковские поселения и могильники, где также находят различные инструменты. Среди плотницких предметов были тесла и долота, струги, среди кузнечных - молотки, зубила и напильники, пинцеты, клещи и пуансоны, помимо этого встречаются ножи, шилья, ложжари и кочедыки. Льячки имели округлую форму. Глиняные пряслица, встречающиеся в большом количестве, украшены точечным и линейным орнаментом.

На некоторых именьковских памятниках встречаются длинные проушные топорики, которые, по мнению одних, использовались как плотницкий инструмент, по мнению других - в качестве полуфабриката или денег (секировидные предметы). Обращает на себя внимание и тот факт, что у соседних финских племен были широко распространены втульчатые топоры, но на именьковских поселениях и в могильниках таких топоров нет. На них много финских украшений, однако, заимствования друг у друга орудий труда не прослеживается.

В Верхнем Посурье в VI-VIII вв. встречаются втульчатые топоры, тесла, литейные формы, глиняные пряслица и ножи. В IX в. появляются сверла, скобель, шило, тесла с бортиками. По-прежнему бытуют втульчатые топоры. В XI в. происходит смена инструментов. Широко распространяются проушные топоры, среди которых к XII в. стали преобладать широколезвийные, шиферные пряслица, ложила, ложжари, кочедыки. Все так же активно используются тесла, скобели, шилья, сверла, но они представлены разными видами и их больше. Появился большой комплекс ювелирных инструментов (молотки, матрицы, пинцеты, литейные формы). Здесь появляются также длинные топоры и тесла с квадратной втулкой, как в Примокшанье.

Большинство инструментов характерны для ремесленников Волжской Булгарии, где использовались передовые по тем временам орудия труда. В черной металлообработке - это набор кузнечный (кувалды, молотки, наковальни, зубила, напильники, клещи и т.д.), в плотницком деле - топоры и тесла, разных конфигураций, долота, скобели и т.д.

В самой Волжской Булгарии в тот период уже существовала специализация. В одной мастерской изготавливали сельскохозяйственные орудия, в другой - бытовые вещи, в третьей - оружие. Более того, были даже узкоспециализированные мастерские, где делали, например, только замки.

В цветной металлообработке были распространены инструменты для изготовления медной посуды и замочков, а именно молоточки, наковаленки, клещи. Те же инструменты использовали и ювелиры, у которых, кроме того, встречаются литейные формы, матрицы, пинцеты, волочильные доски.

Инструменты других ремесел сохранились хуже, но все же встречаются. В гончарном деле - это ложила, в косторезном - ножи, сверла, пилы, резцы, кожаненном - сапожные ножи, шилья и иглы, в прядении - глиняные и шиферные пряслица.

Но все это появилось лишь в X-XI вв. В предшествующий (раннеболгарский или кочевой) период инструменты являются редкостью, что возможно связано с кочевым образом жизни большинства населения.

В четвертом параграфе представлен разнообразный инвентарь. Это, прежде всего глиняная посуда, фрагменты которой присутствуют практически на каждом памятнике, а также предметы быта и украшения, чаще всего встречающиеся в могильниках. Бытовые и хозяйственные изделия изготавливались из железа,

бронзы, глины, кости, а украшения из цветных металлов, хотя некоторая часть делалась и из железа и кости. В зависимости от времени и места ремесленные изделия меняли формы и вид. Определенное влияние на этот процесс оказывали традиции и мода. Часть изделий попадала в регион и в результате торговли, но это, как правило, либо редкие предметы, либо драгоценные.

Среди ремесленных изделий самую массовую категорию находок составляет глиняная посуда или если быть более точным развалы сосудов в погребениях и фрагменты керамики на поселениях. На протяжении всей средневековой истории в Западном Поволжье бытовала лепная посуда разных форм, а в конце I тысячелетия появилась круговая. При этом необходимо отметить чрезвычайную устойчивость лепной посуды.

Наиболее подробно эволюцию посуды и ее территориальные особенности рассмотрели в своих работах В.В.Гришаков, О.С.Хованская, Т.А.Хлебникова и И.Н.Васильева. Посуда именьковских памятников представлена в работах П.Н.Старостина, П.Д.Степанова, Г.И.Матвеевой. Поэтому нет необходимости останавливаться на подробной характеристике типов и видов керамики. В то же время это значительно облегчает изучение территориальных и хронологических особенностей глиняной посуды в Западном Поволжье.

Изучение особенностей керамики на разных территориях Западного Поволжья позволяет проследить как частные, так и общие тенденции развития во времени и пространстве. Если в середине I тыс. н.э. в регионе использовалась исключительно лепная посуда, то в VII-VIII вв. в Среднем Поволжье стала распространяться круговая посуда серого цвета (восстановительного обжига) кувшинообразных форм, истоки которой, по мнению большинства исследователей, идут из салтово-маяцких памятников. Вместе с ней появилась и новая лепная посуда: горшки - из Подонья и округлодонная посуда из Прикамья и Приуралья. В X в. круговая посуда распространяется по всему Среднему Поволжью, но уже желтого и красного цветов (окислительный обжиг). Отсюда она начинает проникать в Верхнее Посурье, а позже в XI-XII вв. появляется в Приокшанье. Впрочем, в это же время на Оке распространилась и круговая посуда черного цвета (восстановительный обжиг). С XII в. черная круговая посуда начинает активно проникать в Среднее Поволжье. В результате круговая керамика стала обязательным атрибутом всех памятников региона. В то же время четко обозначился центральный район (бассейн р.Алатырь), где отсутствует вообще какая-либо керамика. Практически та же самая картина сохранилась и в последующий период.

Однако изменения происходили не только по линии вытеснения лепной керамики круговой, но и сама посуда претерпела много изменений как лепная, так и круговая. Среди лепной посуды в западной части региона уже в середине I тыс. н.э. наблюдается процесс массового распространения керамики рязано-окского населения на восток. Так первоначально, по мнению В.В.Гришакова, наиболее активно она проникала в бассейн р.Теша, затем появилась в устье р.Ока и стала продвигаться в Верхнее Приокшанье. Везде, где появлялась новая посуда, происходил процесс смешения с местной керамикой и возникали территориальные особенности. При этом типы сосудов постоянно варьировали, что свидетельствовало о существовании многочисленных мастеров по изготовлению посуды. Среди местных форм посуды преобладали горшки, но постепенно большее распространение получили миски.

Смешанные формы примокшанской и рязано-окской керамики проникли и на Верхнее Посурье, где также произошло смешение с местными формами посуды.

Совершенно иная ситуация сложилась на Оке, куда по мнению В.В.Гришкова проникло мощинское (балто-зарубинецкое) население. Здесь наибольшее распространение получила мискообразная посуда, для которой характерна остророберность и лошение. Постепенно разнообразие форм сосудов на Оке увеличивалось, но мискообразная посуда все же оставалась преобладающей. В X в. на р.Ока появляются чернолощенные миски на кольцевых поддонах, что не находит корней в местной посуде. Такие поддоны более характерны для среднеазиатской круговой посуды. Возможно, именно оттуда, через Волжскую Булгарию и была занесена мода на посуду подобного рода. На это же указывает и появление лепной кружки с ручкой, являющейся подражанием болгарской.

Новое население (именьковская культура) появилось и на территории Среднего Поволжья и Среднего Посурья. Для него характерно господство горшковидной посуды с наибольшим расширением диаметра в верхней трети, а также присутствие мисковидных сосудов. Данная посуда, как по форме, так и по способам изготовления сильно отличалась от примокшанской и рязано-окской. Позже на именьковских памятниках появились лепные крышки, миниатюрные сосудики и сковороды, чего раньше в регионе вообще не встречалось. Очевидно, они использовались и дальше, так как продолжали существовать и после появления круговой посуды. Это, как уже отмечалось, была серая кувшинообразная посуда, которая стала распространяться как раз на территории именьковской культуры в Среднем Поволжье.

Долгое время считалось, что изменения в посуде свидетельствуют о том, что новое (болгарское) население полностью изгнало именьковцев из региона. Сейчас же совершенно очевидно, что кроме изгнания населения шел процесс смешения. Так с одной стороны в лепной посуде пришлых племен хорошо прослеживаются именьковские традиции изготовления посуды, а с другой на Средней Суре, там, куда не проникло новое население, вплоть до конца VIII в. продолжала существовать именьковская посуда.

В период проникновения круговой посуды на Волгу стала исчезать лепная керамика не только в Среднем Поволжье, но и в Верхнем Посурье. Вслед за этим верхнесурская керамика появляется на рр.Цна и Вад, где она смешалась с рязано-окской. В результате сложился довольно устойчивый комплекс посуды, просуществовавший до XI в. В то же время внутри среднеазиатской посуды постоянно менялись типы сосудов, что связано, очевидно, с подвижностью населения и многообразием мастеров. Постепенно это привело к тому, что если вначале половина посуды была орнаментирована, то к XI в. орнамент исчез.

Другая группа лепной посуды, характерная для салтово-маяцких памятников Подонья получила распространение в основном на правом берегу р.Волги и больше всего ее на южных памятниках болгар. При этом ее нет в Верхнем Посурье.

В результате активного притока новых видов керамики в Среднем Поволжье, а чуть позже и в Среднем Посурье полностью исчезает именьковская посуда. На территории Среднего Поволжья ее место занимает лепная посуда с юга и востока и круговая керамика с юга. На территории Среднего Посурья новой посуды не появилось. В то же время на опустевшем в VIII в. Верхнем Посурье

появляется в IX в. лепная посуда довольно разнообразных форм: миски, горшки, банки, чаши, сковороды, блюда. Характерной чертой этой новой посуды было наличие ангоба и отсутствие орнамента, высоко приподнятое тулово и острореберность. В то же время здесь абсолютно отсутствует лепная и круговая посуда салтово-маяцких истоков.

Посуда Верхнего Посурья сочетает в себе как предшествующие местные формы, так и привнесенные. Например, такой элемент формы сосудов как высоко приподнятое острое ребро встречается на Средней Суре у именковцев и на р.Ока, ангоб в Средней Азии, сковороды и миниатюрные сосудики в Среднем Посурье. При этом многие формы сосудов схожи с посудой среднецнинских и среднесурских памятников. Вполне возможно, что здесь смешались традиции мордовской, именковской и среднеазиатской керамики.

Однако уже в X в. в Верхнее Посурье начинает активно проникать круговая посуда из Среднего Поволжья, что приводит к вытеснению лепной посуды, но традиции ее изготовления переносятся на круговую. В XI-XII вв. здесь были распространены практически все те же формы посуды, что и в Волжской Булгарии. Среди редких сосудов можно упомянуть наличие сфероконусов и посуду на ножках и кольцевых поддонах, истоки которых уходят в Среднюю Азию.

В Примокшанье формы лепной посуды кконцу I тыс. н.э. стабилизируются и состоят из горшков, мисок и банок. В то же время в-Нижнем Примокшанье (Шокшинский могильник) складывается самостоятельный очаг керамического производства, где бытовали горшки и миски.

С XII в. в Примокшанье начинает распространяться круговая посуда, формы которой ближе всего к сосудам из Верхнего Посурья, но не столь разнообразны. Это преимущественно горшки и миски. На южных поселениях круговая посуда стала преобладающей, но и лепная керамика на них составляла не менее 30 %. Здесь же появилась круговая посуда в форме лепной и наоборот лепная посуда, подражающая круговой в виде горшков с ручками. Подобная же посуда встречается и в мордовских могильниках по р.Мокша. В северных могильниках она представлена единичными экземплярами, а в южных составляет, чуть ли не половину. Характерной чертой круговой посуды в Примокшанье является слабый обжиг и соответственно неравномерный цвет посуды. Она в основном коричневая и красная, но имеет серые и бурые оттенки. Кроме того вдоль р.Мокши выявился ареал круговой посуды с сильно запесоченным тестом. Вместе с круговой появилась и новая лепная посуда - сковороды, характерные для Верхнего Посурья.

Характерной чертой памятников в Примокшанье является чересполосное расположение поселений с круговой и лепной посудой, что приводило к смешению керамики. В то же время стали появляться сосуды-подражания.

В то же время на памятниках рр.Выша и Вад имеется большой процент (до 10%) круговой посуды черного и серого цветов, характерной для древнерусских памятников. Но в могильниках она, как правило, не встречается.

Похожая ситуация сложилась в низовьях р.Оки и прилегающем побережье р.Волги. Здесь также наблюдается чересполосное расположение памятников с лепной посудой и поселений с круговой посудой, но уже черного цвета. Появившись еще в XII в., поселения продолжали существовать и в XIII-XV вв. Но при этом керамика этих поселений не смешивалась, в отличие от поселений Примокшанья.

Сложившаяся к началу XIII в. в Западном Поволжье картина распространения керамики, когда красная круговая посуда заняла все сурско-мокшанское междуречье, Верхнее Поволжье и Примокшанье, а черная круговая посуда - Нижнее Поочье, существенно не изменилась и после монгольского нашествия. В то же время появились новые традиции в изготовлении круговой посуды, которые впрочем, сохранили местные традиции в своих районах.

Были и новые очаги производства керамики, как, например, барабашинская группа в Самарской Луке, где смешались традиции мордовской, болгарской и русской посуды. Причем особенно активно здесь распространялась черная круговая керамика.

Важнейшим элементом материальной культуры наряду с глиняной посудой являются изделия из железа, представленные, как правило, предметами быта и изделиями из цветных металлов, являющиеся преимущественно украшениями. Среди них выделяются предметы массового производства, например, такие как ножи, кресала, гвозди, которые существовали долго и на большой территории.

Изучение бытовых предметов позволило с одной стороны определить хронологические рамки их эволюции, а с другой стороны выяснить, что рамки их бытования очень широки. Но возникали они в разных районах неравномерно. Причем это практически никак не зависело от того, являлись ли они изделиями кузнецов одиночек или результатом массового производства в ремесленных мастерских. Поэтому основное внимание необходимо уделить либо редким железным предметам, либо технически сложным. Наиболее яркими в этом смысле являются замки с ключами, хомутики (браслеты-?), детали конского снаряжения. Сюда же относится и такая категория железных изделий как оружие, которую мы рассмотрим отдельно, ввиду ее многофункциональности.

Изделия из цветного металла отличаются большим разнообразием форм, видов и типов, а также материалов и технологий. Основная масса этих предметов найдена на могильниках и связана либо с женским костюмом, либо с военной одеждой и бытом. Среди них выделяются предметы массового распространения, которые со временем видоизменялись и порой довольно сильно. Есть украшения и вещи редкие, либо существующие недолго и на небольшой территории. Такие изделия выступают традиционно в роли культурно- и этноопределяющих признаков. Особенно много их на стадии домашнего ремесла. После того как начинается массовое производство, они вытесняют большинство местных изделий.

В то же время все украшения независимо от времени и массовости их распространения всегда подвержены "веяниям моды, что при появлении или исчезновении как отдельных деталей в украшениях, так и самих изделий. При этом довольно часто на одном костюме встречаются вещи разных культур и разной смысловой нагрузки, что вероятно связано с отсутствием жестких запретов на использование красивых предметов. Впрочем, проявления моды довольно трудно отличить от процессов переселения нового населения со своими характерными изделиями из цветного металла. Особенно усложняется эта задача с переходом к массовому производству изделий в соответствии со спросом на них и их распространением на значительной территории. В связи с этим особый интерес представляют редкие украшения и изделия (они, как правило, еще и дорогие), что позволяет проследить территориальные связи и выявить специфику украшений в тех или иных районах.

Длительная история изучения украшений позволила ученым разработать множество типологий и классификаций этой категории предметов. Среди них есть типологии по отдельным видам украшений, есть общие, объединяющие украшения по племенному признаку. Среди них можно выделить типологии украшений мордвы, муромы, марийцев, болгар, славян и других народов, оставивших свой след в Западном Поволжье. Все они довольно верно отражают хронологические и эволюционные изменения этих изделий, что позволяет опираться на них при определении территориальных особенностей и путей распространения. В то же время приверженность к племенному делению украшений приводит часто к тому, что один и тот же предмет встречается сразу в нескольких типологиях как этноопределяющий признак. Данное противоречие легко решается при переходе к территориальному принципу в изучении украшений, что наглядно продемонстрировала в своей работе Л.А.Голубева.

Среди железных изделий особый интерес на наш взгляд представляют замки с ключами, которые существовали на болгарских поселениях с X по XV вв., а также получили распространение на территории Руси, в том числе и на древнерусских поселениях в низовьях р.Оки. В то же время практически ни одного замка нет на памятниках мордвы, муромы, марийцев и именьковцев.

Длительный путь развития прошли и украшения из медных сплавов, серебра, олова и свинца. Наличие соответствующих типологий позволяет рассматривать украшения не по отдельности, а комплексами, соответствующими определенному времени.

Кроме того, существующие исследования позволили выявить определенные категории вещей, которые постоянно присутствуют на той или иной территории. Все они получили статус этноопределяющих изделий и их обнаружение вне основной территории распространения связывалось с появлением там представителя этого народа или племени. В последние годы стали развиваться и новые направления в изучении украшений, одним из которых является определение уровня влияния моды на костюм и традиции.

Устойчивый комплекс украшений на территории Западного Поволжья начал складываться уже в VI в., когда вместо отдельных памятников возникли целые микрорегионы. Это были с одной стороны преимущественно могильники протомордвы, сконцентрированные в Верхнем Посурье, Примокшанье, на р.Теша, и на р.Волга в Окско-Сурском междуречье, а с другой - именьковские поселения и изредка могильники в Среднем Посурье и Среднем Поволжье,

В протомордовских памятниках большинство, из украшений имеют сходство с украшениями других территорий, заселенных финно-угорскими племенами. Отдельные из этих украшений встречаются и на именьковских поселениях. Более того, на этих поселениях множество изделий, имеющих истоки на западе, в зарубинецких древностях и на востоке, в кушнаренковских и турбаслинских памятниках Волжско-Уральского региона, но изготовленных, судя по литейным формам и бракованным изделиям на месте. Именьковские украшения представляли в целом смесь восточных и западных традиций и значительно уступали им в количественном отношении. Этот факт был подмечен Г.И.Матвеевой. Но в целом она отдает предпочтение западному или зарубинецко-пшеворскому компоненту в костюме, отмечая его количественное преобладание над финно-угорским. Возможно, так оно и есть, но только не по металлическим украшениям, так как они были более характерны для финно-

угорского мира и практически не использовались славянами.

На это обратил внимание Е.П.Казак, который посчитал возможным объединить именьковский костюм с турбаслинским, сделал реконструкцию и пришел к выводу, что он имел римский покров и украшался восточными изделиями. Подобное сочетание, по его мнению, связано с позднесарматскими корнями турбаслинско-именьковского населения, отрицая тем самым зарубинские корни.

С учетом того, что в именьковском костюме действительно много смешанных элементов, можно согласиться с тем, что сама одежда действительно имела западные истоки и была близка римским традициям, а вот украшения были местными, но не позднесарматскими, а финно-угорскими, где они являлись важнейшей частью костюма.

В регион проникают многочисленные украшения со стороны, которые затем начинают производиться непосредственно на месте. Наиболее ярко этот процесс представлен материалами Самарского Поволжья, где с юга появилась большая группа памятников новинковского типа и принесла с собой традиции кочевой культуры, которые наиболее ярко проявились в изготовлении поясной гарнитуры.

Под воздействием внешних импульсов в Примокшанье появляются коньковые шумящие подвески и пряжки. Более того, в этот период складывается довольно устойчивый набор украшений женского костюма как в Примокшанье и на р.Теша, так и на р.Ока, который соответственно связывают с мордвой и муромой. Свой костюм формируется и на Средней Волге у болгар, для которого характерно сочетание изделий салтовского типа и местных западноволжских украшений. Но самый смешанный комплекс украшений сформировался в Верхнем Посурье, где на одном костюме встречаются украшения финно-угорские, именьковские, салтовские и тюркские.

Наиболее яркий комплекс украшений представлен в муромских могильниках на р.Ока. Он резко выделяется как по количеству украшений, так и по разнообразию их видов. Однако, достигнув в первой половине X в. наивысшего расцвета, во второй половине столетия он практически полностью исчезает. Одновременно на р.Цна формируется свой комплекс украшений женского костюма, имеющий большое число различных изделий. Более того, этот комплекс постепенно вытесняет предшествующий комплекс.

Довольно часто встречаются "имитационные" украшения из олово-свинцового сплава иногда из низкопробного серебра. Один из центров по изготовлению таких украшений болгарского типа располагался в Верхнем Посурье на Золотаревском городище. Довольно широко было налажено производство подобных украшений и в городах Древней Руси, начиная с 70-х годов XI в. Налажено было и массовое производство местных форм украшений, таких как подвески, сюльгамы, браслеты.

В течение многих лет ученые пытаются выделить группы украшений связанные с мордвой-мокшей и мордвой-эрзей. Все эти вещи, однако, являются единичными. В целом материальная культура мордовских племен оставалась единой. Большинство украшений, бытовых предметов и орудий труда, найденных в эрзянских могильниках I тыс. н.э., однотипны с находками в могильниках армиевского и лядинского типов (Жиганов М.Ф., 1976. С.60).

Таким образом, можно выделить несколько устойчивых хронологических и территориальных комплексов украшений на памятниках Верхнего Посурья, При-

моксанья и р Теша. Это же относится и к отдельным предметам, бытовавшим либо только в определенном районе, либо выходящим далеко за пределы Западного Поволжья.

Особую группу предметов быта и украшений составляют вещи, сделанные из таких материалов, как кость, стекло, камень и изготовленные либо на месте, либо привезенные со стороны. Среди местных изделий часто встречаются бракованные предметы, а привозные вещи нередко сломанные. Эти изделия наиболее подвержены веяниям моды и довольно быстро реагировали на любые изменения во вкусах. В связи с этим был проведен анализ, который позволил проследить, как они менялись во времени и пространстве.

Одна из наиболее массовых категорий находок — это предметы вооружения, часть из которых была чисто специфической и предназначалась только для военного дела, а часть имела универсальный характер и применялась также в хозяйстве и в промыслах. Отличительной чертой этой категории предметов является широкое и быстрое распространение различных типов и видов вооружения, выходящих далеко за пределы культурных и государственных границ. В то же время, несмотря на это, встречается оружие с местными вариациями, что позволяет проследить пути его распространения.

В целом для территории Западного Поволжья характерно смешение разных комплексов вооружения, имеющее в разных районах в разное время различную степень интенсивности. Так в западной и южной части региона вплоть до VIII в. существовал довольно стабильный комплекс вооружения, в который входили в основном железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, двухшипные наконечники дротиков, листовидные наконечники копий и мечи. На юге в Верхнем Посурье в комплекс входили также пики и кольчуга, появление которых очевидно связано с влиянием южного кочевнического комплекса вооружения.

На востоке региона постоянно происходят изменения в военных комплексах, практически каждое столетие. Первоначально в VI в. это был комплекс именьковский, отличающийся крайней бедностью предметов вооружения, среди которых встречаются лишь костяные наконечники стрел, костяные детали лука, наконечники копий и доспехи. Необходимо отметить теснейшую связь их предметов вооружения с восточными культурами. После именьковцев на Волге стал развиваться болгарский комплекс вооружения, для которого были характерны сначала железные трехлопастные, плоские и граненые, а также костяные наконечники стрел, множество костяных деталей сложносоставного лука, наконечники пик, сабли и даже кистень. В целом этот комплекс более характерен для степного мира. Позже активно внедряются такие виды оружия как Цеканы, сабли, кинжалы и стилеты, а также появляется кольчуга.

С северо-запада в Западное Поволжье проникают каролингские мечи. В XI в. также с северо-запада стали распространяться топоры-секиры и сулицы, с востока — стрелы. Но наибольшие изменения характерны для XII в., когда граненые наконечники стрел стали преобладать над плоскими, на р.Теша появились круглые щиты, а в Верхнем Примокшанье рогатина, кистень, булава, трезубец. Наблюдается процесс активного проникновения в регион русского и болгарского оружия, что приводит к выравниванию уровня вооружения с ближайшими соседями. Более того, на могильниках появляются погребения с однотипным и насыщенным набором оружия и сопутствующих предметов (стрелы, копье, длинный и универсальный топоры, тесло с квадратной втулкой, бронзовый котел,

нож, кресало, детали пояса, сюльгамы, подвески и иногда щит или сабля). Одной из особенностей можно считать отсутствие в этих погребениях конского снаряжения, что может характеризовать их как погребения пехотинцев. По мнению исследователей - это захоронения воинов-профессионалов.

В восточной части региона с возникновением Волжской Булгарии комплекс вооружения с X в. включал лук со стрелами, копьё, чекан, топор универсальный, саблю, кистень и кольчугу. В XII в. появился панцирный доспех. Впрочем, с учетом дополнительных видов оружия и оригинальных форм наконечников стрел можно выделить, особенно в Верхнем Посурье, и восточный комплекс вооружения, характерный для памятников Южной Сибири. В результате монгольского нашествия произошло сильное обеднение комплекса, и теперь в него входили в основном луки со стрелами, копьё и топоры.

Если сопоставить предметы и комплексы вооружения с культурами, существовавшими на территории Западного Поволжья, то на первом этапе существовал единый набор оружия на памятниках мордвы, муромы и рязано-окских племен от р.Ока до Верхнего Посурья. Свой набор существовал и на именьковских памятниках Среднего Посурья и Среднего Поволжья, отличающийся бедностью форм и видов оружия. И хотя наконечники копий практически не отличались от западных типов, все же большая часть предметов тяготеет к восточным видам вооружения.

Появление в Среднем Поволжье нового степного комплекса вооружения также тесно связано с раннеболгарскими памятниками и в целом отлично от местных видов и типов оружия. Начавшее с юга проникновение новых видов вооружения привело к смене комплекса вооружения на южных мордовских памятниках, но не получило распространения на северных мордовских и муромских памятниках. В то же время на муромской территории с X в. стали распространяться каролингские мечи и русские секиры, которые затем проникли и на южные мордовские памятники. На болгарских памятниках Западного Поволжья они не встречаются. Зато в XII в. на южных мордовских памятниках Примокшанья начинают распространяться болгарские виды оружия, а на северных памятниках мордвы на р.Теша появляются щиты.

Таким образом, довольно ярко видны различия между комплексами вооружения мордовских, именьковских и раннеболгарских племен во второй половине I тыс. н.э. Все остальные отличия проявляются только по уровню влияния на местные культуры со стороны степных народов, Хазарского каганата, Волжской Булгарии и Древней Руси.

На протяжении всего средневековья человеку всегда сопровождал конь. М выполнял многочисленные хозяйственные задачи, например, такие как перевозка грузов и вспашка земли. Не менее важную роль конь играл и в военном деле. Во всех этих видах деятельности обязательным элементом является конская упряжь, которая со временем менялась для более эффективного управления конем. Конская сбруя и седла часто являлись предметами престижа и потому украшались многочисленными накладками. Основные детали конской сбруи имели широкое распространение, такие как крюковые и кольчатые удила с небольшими петлями грызла, соединительные железные кольца разного сечения и подпружные пряжки. Но встречались и особые детали, одни из которых были привозными, а другие являлись результатом творчества местных мастеров.

Распространение предметов конской упряжи включает в себя несколько аспектов. Во-первых, на протяжении всего средневековья в Западном Поволжье использовались общеевропейские типы кольчатых удиц, соединительные кольца и пряжки. Многие из них используются в конской сбруе до сих пор. Во-вторых, регион был вовлечен в общеевропейские процессы эволюции конского снаряжения. В-третьих, при изготовлении предметов упряжи местные мастера вносили свои поправки, что позволяет определить районы их влияния. Наряду с этим в разных местах встречаются богатые комплексы конской сбруи, раскрывающие достижения в этой области.

На территории Волжской Булгарии встречаются трензели с прорезью и орнаментом, плети с навершием и кольцами и затыльники рукоятей плети с боковидным клювовидным выступом из кости или оловянистой бронзы. С XI в. стал распространяться конский убор содержащий практически весь спектр древностей аскизского круга (Руденко К.А., 2001). Наиболее ярким примером этого явления на территории Западного Поволжья могут служить детали (около 300 экз.) конского снаряжения, нередко покрытых позолотой, с Золотаревского поселения. При этом очень ярко прослеживается линия местного производства снаряжения, похожего на аскизское, но имеющего творческие добавления. Учитывая стилистически грамотное и сообразное по форме производство, можно отметить, что местные ремесленники и заказчики были хорошо знакомы с культурой эскизов в Хакасско-Минусинской котловине.

В Сурско-Окском междуречье появились детали оформления конской сбруи, характерные для аскизских древностей, которые сочетаются с накладками местных форм.

С XII в. начинают использоваться также железные шпоры, ледоходные шипы. Подобные шпоры были широко распространены среди конных и в основном знатных воинов Восточной Европы начиная с XII в. После монгольского нашествия количество находок конского снаряжения резко снизилось и представлено в основном стандартным набором двусоставных удиц, соединительных колец и подпружных пряжек.

В пятом параграфе автор рассматривает вопросы связанные с функционированием торговли, как внешней, так и внутренней. Особое внимание уделяется торговому инструментарию и платежных средств. Важнейшую роль в жизни региона играла внешняя и внутренняя торговля, которая способствовала экономическим подъемам и спадам, как отдельных районов, так и всего Западного Поволжья. Это, прежде всего торговые пути по крупным рекам, таким как Волга и Ока. Именно пеним осуществлялась транзитная торговля, что хорошо представлено в работах И.В.Дубова, А.Н.Кирпичникова и других. В то же время особенностью региона является и то, что здесь проходил крупный сухопутный торговый путь из Булгара в Киев, а также еще целый ряд подобных путей.

Все эти пути становились центром притяжения экономического развития и любителей наживы со всех сторон. Вдоль торгового пути появлялись торговые фактории, где возникала целая сфера обслуживания, развивающаяся затем гигантскими темпами. Сюда же стремились речные пираты и грабители. Это вынуждало людей создавать систему охраны этих путей, что способствовало возникновению государств.

Несмотря на то, что большинство торговых путей проходящих в регионе были транзитные, вдоль них шла скупка местных товаров, таких как шкурки, мед,

воск, лес, зерно и другие. В результате на местах стали накапливаться ценности, вырученные от продажи. Это стимулировало развитие одних отраслей и тормозило другие, что приводило к неравномерному развитию региона. Так, например, на Средней Волге активно развивалось земледелие и ремесленное производство из полуфабрикатов в связи с большим спросом именно на эти товары. В то же время на р.Ока основной спрос был на меха, что вывело охоту на пушных зверей на первое место

В зависимости от близости к торговому пути менялся и облик населения. Жившие вдоль пути использовали массу украшений и новейшие орудия труда. Обитавшие в отдаленных районах ходили в традиционной одежде, и развитие экономики шло медленнее, но устойчивее

Особая роль принадлежала внутренней торговле. Там, где плотность населения была малой, и господствовало натуральное хозяйство, торговля была мелкой и мало доходной. Там же где плотность высокая, наблюдался интенсивный рост экономики и резко возрастала потребность в обмене и купле-продаже товаров, что стимулировало развитие внутреннего рынка.

Среди материальных индикаторов существования торговли можно выделить, прежде всего, торговый инструментарий и средства платежа, а также отдельные виды товаров, хотя и они не всегда отражают реальные процессы. С одной стороны основная масса товаров не сохраняется в земле (мех, ткань, дерево и т.п.), а с другой - торговля часто носила меновой характер, особенно внутренняя. И средства платежа и торговый инструментарий отражают вероятнее всего лишь крупную или оптовую торговлю. Кроме того, торговля носила целенаправленный характер. Приезжие купцы скупали в основном сырье и продавали лишь то, что пользовалось спросом или на что была мода, а не все подряд. Кроме потребностей местного населения и стремлений купцов огромную роль в распространении товаров играла политическая ситуация в регионе. Так в эпоху великого переселения народов в Западном Поволжье наблюдается распространение изделий восточного финно-угорского мира, развитие собственно местных финских изделий и внедрение западных технологий и традиций. После возникновения Хазарского каганата, законодателем мод становится именно это государство, которое контролирует товаропоток во всем регионе. Затем с X в. весь торговый оборот проходит под флагом борьбы Древней Руси и Волжской Булгарии за сырьевые ресурсы и рынки сбыта. В зависимости от степени успехов в этой борьбе в разных частях региона укоренялась определенная мода.

Общей чертой для региона являлось то, что он с одной стороны, со всех сторон был окружен международными торговыми магистралями, а с другой стороны был слабо включен в эту сферу, о чем свидетельствует малочисленность торгового инструментария и платежных средств. Пожалуй, единственным, что пользовалось постоянным спросом - это слитки цветных металлов (медь, олово, свинец), а также грузики и монеты. Другой не менее важной и более частой находкой были привозные украшения и оружие. Наряду с торговлей влияние на распространение изделий оказывала и мода.

На средневековых памятниках встречаются украшения производившиеся в мастерских различных государств. Это и предмет торговли, и явление моды, когда любое модное веяние тут же воплощалось в массовом производстве. В то же время были украшения и континентального масштаба, такие как пояса с накладками, браслеты, височные подвески или серьги с бусинами (салтовского

типа). Наряду с простыми украшениями встречаются и предметы культовые, в частности, христианские.

Важнейшее значение для истории Западного Поволжья играл сухопутный путь из Булгара в Киев, пересекавший Волжский водный путь. Волга всегда была крупнейшей транспортной артерией Восточной Европы и обеспечивала товарами и продуктами огромное количество людей. В то же время эта река была источником постоянных опасностей, либо от разбойников, либо от военных дружин. По берегам Волги (Итиля) стали формироваться специализированные поселения (открытые торгово-ремесленные и административные). На них устраивались перевалочные базы, постоянные дворы, велась торговля, осуществлялся необходимый ремонт, и сюда же вели пути из окрестных земель.

Несомненно, существовали и другие пути, как водные, так и сухопутные, но волжский путь выделялся среди них как наиболее удобный и имеющий наибольший торгово-экономический оборот. Более того, от Волги отходило множество других путей, которые соединяли эту магистраль с окружающими территориями, как правило, по самому короткому пути.

Важнейшее значение среди них имел сухопутный путь из Булгара в Киев, соединяющий напрямую столицы двух восточноевропейских государств и пересекающий Волгу. В то же время между ними существовал и водный путь через Оку, что свидетельствует об интенсивности торгово-экономических контактов между Волжской Булгарией и Киевской Русью, начиная с X в.

Как только торговый путь становится постоянным, территорию Верхнего Посурья занимает население, оставившее памятники с коричнево-красной гончарной посудой (ККГП), причем основная их масса концентрируется вдоль торгового пути, который вероятно, и стимулировал их возникновение для обслуживания торговых караванов и обеспечения безопасности, а также организации отдыха в местах остановок.

Анализ средневековых сухопутных путей свидетельствует о том, что наиболее удобной дорогой можно признать путь от Волги, в районе Кайбел, через южную оконечность Керенско-Чембарской возвышенности - Сурскую Шишку. На пути было четыре крупных реки - Волга, Сура, Дон, Днепр, переправа через которые дело непростое и возможна лишь в определенном месте, где с одной стороны надо было поддерживать переправу, а с другой - можно было контролировать торговлю, идущую через нее, что приносило немалые выгоды.

Если с X в. переправы через Днепр и Дон контролировали славяне, через Волгу - булгары, что подтверждается большим количеством археологических памятников на них, то в районе переправы через Суру на рубеже X-XI вв. возникают поселения буртас, которые держали брод под контролем и использовали путь для развития собственной торговли. Маршрут в Посурье проходил следующим образом: Юловское-Садовские I, II - Селиксенское или Николо-Райское - Балабанов Родник - Золотаревское городища и переправа через р.Сура. Кроме этого пути между поселениями существовали и другие пути как сухопутные, так и водные, которые тяготели к основному торговому пути. Основная масса импортных вещей сосредоточена на Юловском, Садовском II, Селиксенском, Золотаревском городищах, особенно на двух крайних пунктах этого отрезка пути, протяженностью около 40 км или одного легкого дня пути.

Имеющиеся на поселениях материалы свидетельствуют с одной стороны о единой торгово-денежной и весовой системе в Посурье и Примокшанье, кото-

рая характерна для Волжской Булгарии. Это, прежде всего детали торговых весов, гиришки, грузики, а также многочисленные слитки из серебра, взвешивание которых показало, что они ориентированы на мискаль. В то же время встречаются фрагменты киевских и новгородских гривен. Довольно часто в качестве платежного средства использовались кусочки свинца, которые также ориентированы на мискаль. Помимо торгового инструментария найдено множество производных вещей, в основном украшений из золота, серебра. Среди них можно выделить вещи, характерные для булгар, мордвы, русских, половцев, эскизов, а также привезенные из Китая и Ирана.

В то же время среди предметов из разных стран есть своя специфика. Украшения из Руси представлены в основном культовыми предметами, связанными с христианством, часть из которых сделана из драгоценных металлов, а часть из бронзы и олово-свинца. Украшения из Волжской Булгарии, как правило, сломаны или отреставрированы. Особенно большую и специфическую группу предметов составляют вещи из Южной Сибири, представленные в основном деталями конской сбруи и оружия, характерных для аскизской культуры. Большинство накладок конской узды сделаны из железа и сверху украшены золотом. Оружие же представлено как специфическими наконечниками стрел, деталями защитного доспеха, так и своеобразными боевыми ножами - пальмами.

В целом восстанавливается практически весь путь с остановками и остается невыясненным лишь отрезок между Хопром и Доном, где пока не обнаружено археологических памятников, связанных с путем.

Четвертая глава "Этнокультурное развитие Западного Поволжья" посвящена итогам изучения разных видов источников через призму этнокультурной характеристики. Однако, на наш взгляд, эта характеристика не конечный результат исследования, а лишь этап в развитии отдельных локалитетов и формирования общерегиональных черт. Помимо этого использование хронологического и пространственного анализа позволяет проследить эволюцию этнокультурных образований, как качественную, так и территориальную, а также определить степень влияния внешних факторов на эти процессы.

В первом параграфе автор рассматривает внутреннюю динамику развития региона. Расположение памятников, динамика развития разных отраслей, распространение отдельных категорий предметов и их эволюция позволяют проследить развитие региона в целом, и по отдельным территориям, а также выделить локалитеты.

Верхнесурская группа, сначала была забелена мордовскими племенами в результате смещения кошибеевских (праэрязанских) и верхнесурских (прамоксанских) племен. Цнинско-окская группа имела примерно такой же инвентарь, как и в верхне-сурских могильниках.

Территориальная разобщенность отмеченных групп, кажется, дает возможность говорить о сохранении у прамордовских племен еще устойчивой племенной организации и о начале формирования на этой основе как будто бы основных групп прамордвы: праэрази (Ока-Цна) и прамокши (Верхняя Сура). Но в то же время, именно к периоду существования этих групп, т. е. к IV-V вв. н.э. относится первое письменное упоминание мордвы у Иордана, в рассказе о подчинении готам племен *mordens*, в которых исследователи склонны усматривать древнюю мордву.

Позже в Среднее Посурье вторгаются довольно большой массой ош-пандинские племена, представляющие собой наиболее западную часть огромной именьковской-турбаслинской этнокультурной общности. Возможно, в результате этого северная группа верхнесурской группы прамордовских племен с прамокшанскими чертами культуры отрывается от основной массы и уходит на север, к берегам Волги. Здесь, в низовьях Суры и западнее в VI в. появилось несколько могильников. Показательно, что во всех этих могильниках труположения имеют меридианальную ориентацию, а среди погребального инвентаря нередки характерные для верхне-сурских могильников височные подвески или серьги с грузиком. Любопытны отдельные особенности погребального обряда - захоронения только черепов, вторичные погребения (см. материалы Ивановского могильника), положение в мужские могилы женских украшений, размещение над могилами поминальных комплексов (см. материалы Волчихинского могильника). Складывается впечатление, что волжско-сурская группа памятников оставлена прамокшанской группой племен, оттесненных из более южных районов и частично смешавшихся с местным приволжским населением. В VIII-IX вв. они, очевидно, вошли в состав продвинувшихся в этот район древнеэзрянских племен.

В обряде погребений северной группы могильников все более широкое распространение получает обряд трупосожжения, практически не характерный для ранних могильников ни Окско-циннской, ни Верхнесурской групп. Возникновение этого обряда, наряду с экономическими причинами (широкое распространение подсечно-огневого земледелия) можно увязывать и с активным воздействием Ош-пандинских племен.

Отдельные группы кочевников Тюркского каганата проникли в VI-VII вв. не только в Западное Приуралье, но и в южные районы Среднего Поволжья. Об этом свидетельствует ряд интересных памятников VI-VII вв. арцыбашевско-уфимского типов, исследованных в Саратовско-Куйбышевском Поволжье и на юге Пензенской и Рязанской областей. Воздействие пришлого населения на местные финские племена, очевидно, было настолько сильным, что оно докатилось до Волги и даже перешло за Волгу.

Очевидно, с этим движением следует увязывать падающее на VII в. изменение карты расселения древнемордовских и других местных племен лесостепной полосы между Волгой и Окой. По мнению большинства археологов, древнемордовские племена к VII в. н.э. уходят из бассейна р.Суры на запад. Место этих племен, очевидно, занимают пришельцы, вытеснившие на север местное население. Впрочем, очевидно не все мордовское население покинуло верховья Суры, часть его продолжала здесь жить и позже.

Выше, неоднократно, отмечалось сходство погребального обряда и погребального инвентаря не только уфимских и поволжских, но и прикамских могильников неволинского типа с ранними тюркскими могильниками Алтая, Средней Азии и Нижнего Поволжья. Подчеркивалась также непосредственная связь появления могильников уфимского, неволинского и арцыбашевского типов с проникновением в Прикамье и Поволжье драгоценных изделий и монет сасанидского-среднеазиатского и византийского происхождения. Последние рассматривались как остатки той добычи, которая доставалась военным отрядам Тюркского каганата при их походах на Сасанидский Иран и Византию. Все это позволяет полагать, что пришедшие в Приуралье и Поволжье на рубеже VI-VII вв. племена были в своей основе тюркоязычными.

В древнемордовских могильниках и других памятниках Верхнего Посурья, Средней Оки и Средней Суры отмечаются вещи, характерные для кочевнического мира. В результате верхнесурские племена, очевидно, перемещаются в Мокшанско-цнинское междуречье, где к VIII-X вв. относится серия раннемордовских могильников

Вскоре после ухода основной массы мордовского населения в Верхнем Посурье появляется новое население, оставившее комплекс памятников у с.Армиево (курганно-грунтовой могильник, селища и городища), принадлежавший по мнению А.Х.Халикова тюркоязычным буртасам. В результате складывается смешанная культура, включающая в себя пришлые степные элементы и местные лесные. Они проникают и на оставшиеся здесь мордовские поселения.

В культуре этих могильников, по предположению ряда исследователей, начинают выработываться специфично женские головные уборы типа сложного устроенного накосника - пулокеря, а также другие детали этнографического костюма. Но в эти же могильниках (см., например, Крюково-Кужновский и др.) отмечается особое обилие вещей, характерных для салтово-булгарского культурного круга и даже типы головных уборов, характерные для тюркского мира. Впрочем, здесь встречаются и славянские изделия вятичей и радимичей.

Они свидетельствуют об установлении между мокшанской группой мордовских племен и расположенных в непосредственной близости с ними булгаро-буртасскими племенами самых тесных контактов, результаты которых ныне фиксируются в виде обильных тюрко-татарских заимствований в мордовско-мокшанской этнографии и языке.

Среднеокское население, очевидно, перемещается на восток (левобережье р.Цны) и северо-восток (бассейн р.Теши). Здесь выделяется группа могильников VI-II-X вв., которые характеризуются в основном присущей для эрзи северной ориентацией погребенных. В этих могильниках относительно мало вещей булгаро-салтовского круга, за редким исключением. Эта группа населения довольно рано начинает испытывать славянское воздействие, а с X в. практически оказывается в сфере влияния славянского колониационного движения в бассейне р.Оки. Вполне возможно, что тогда и происходит наложение славянских племен на древнемордовский (прозрянский) субстрат, приведший к фиксируемому языковедами своеобразию среднерусского диалекта, выражающегося в характерном «акании».

Но все же, несмотря на сохранение в VIII-X вв. этнических своеобразий, и мордовские племена выступают в это время как никогда единой массой. Об этом свидетельствует и их смежное расположение в Западном Поволжье между Цной и Нижней Сурой, и сходность погребального обряда, сочетавшего труположение и трупосожжение, и, наконец, однотипность материальной культуры - керамики, украшений и т.п., что особенно наглядно выразилось в распространении и в эрзянской группе характерной для всех мордовских племен височной подвески с ромбическим грузиком. Поэтому правы те исследователи, которые говорят о значительном сближении в это время мордовских племен между собой; сближении, которое, очевидно, привело к установлению древнемордовской общности, фиксируемой языковедами и этнографами. Этому сближению, или консолидации, способствовало кроме территориальной смежности и общий уровень развития экономики и общественных отношений древнемордовских племен, переживавших эпоху военной демократии, но еще с очень

сильными родо-племенными устоями. Вполне вероятно, что в условиях растущей внешней опасности, вызванной движением с востока и юга тюрко-угорских, а с запада славянских племен, древнемордовские племена были вынуждены объединяться в союзы племен со своей довольно устойчивой территорией.

Название этой территории под именем страны «Мордия» сохранил для нас автор начала X в. Константин Багрянородный, а общее имя мордвы - древнерусская летопись. Одновременно, очевидно, существовали и этнонимы - названия основных племенных групп мордвы: эрзя и мокша. Расселенные в бассейне р. Мокши племена назывались, особенно со стороны ближайших к ним тюркоязычных буртас «мокшей». Этот этноним затем у тюркоязычных народов (татар, чуваш, башкир и др.) распространился вообще на всю мордву. Сам же гидроним и этноним «Мокша», по мнению языковедов, имеет индоиранское происхождение и должен быть связан с санскритским понятием «мокша» (moksha), означющим «проливание, утеkanie, освобождение». Этноним «эрзя», по мнению Н.Ф.Мокшина, также имеет индоиранское происхождение и может быть связан с древнеиранским словом «arsan» (мужчина, самец, герой). Очевидно, оба этнонима были даны ираноязычными соседями древней мордвы (сарматами) и это могло произойти не позднее первых веков н.э.

Уже в домонгольское время мордва оказалась в сфере политического, экономического и культурного воздействия разных государств. Земли, которые лежали в непосредственной близости к Владимиро-Суздальской Руси довольно рано вошли в сферу воздействия этого государства, а племена жившие здесь заняли по отношению к ней вассальное положение. Мордва, территориально расселенная чересполосно с обулгаризированными буртасами, вместе с последними не позднее XI-XIII вв. стала вассалом Волжской Булгарии.

О вхождении Сурско-Мокшанских земель в состав Волжской Булгарии свидетельствует большая группа памятников с коричнево-красной гончарной посудой, распространившаяся в X-XI вв. в Верхнем Посурье, а с XII в. и в Верхнем Примокшанье. По мере продвижения болгарского государства на запад изменялась картина расселения мордвы. В частности в XI в. прекратили существование мордовские памятники на р.Цна.

В конце XII в. влияние Волжской Булгарии распространяется по всему бассейну р.Мокши и захватывает территорию р.Теши, где распространяется материальная культура аналогичная памятникам Верхнего Посурья. В то же время территория р.Ока и прилегающие районы р.Волги целиком оказываются в составе Древней Руси.

Разрушительный удар, нанесенный монголами после завоевания Волжской Булгарии, пришелся и по мордве, и, в первую очередь, по мордво-мокше. Очевидно, в результате монгольского нашествия некоторые группы мокши бежали в болгарские земли. Так могли появиться группы мордвы у Самарской Луки и в Казанском Поволжье, оставившие могильники типа Муранского, Карташихинского и др. Может быть, от этого времени и осталась на Волге, напротив устья р. Камы, небольшая группа мордвы-каратаев.

К середине XV в. почти вся территория, занятая мордвой-эрзей, вошла в состав Русского государства. Мордво-мокша, занимавшая более южные районы, продолжала контакты с тюркоязычным населением Западного Поволжья - формирующимися татарами-мишарями. С XVI в. практически все земли, заселенные мордвой оказались в составе Русского государства, что обусловило усиление про-

цесса сближения мордвы-мокши и мордвы-эрзи и создание единой народности.

Во втором параграфе автор рассматривает внешнюю динамику этнокультурного развития. Наиболее активные контакты существовали с двумя ближайшими соседями - Древней Русью и Волжской Булгарией. При возникновении этих государств, а также при расширении их территорий действуют одни и те же законы. Что же касается их конкретного проявления, то здесь возможны различные вариации. Это касается, прежде всего, социально-экономического уровня развития региона или народа. На наш взгляд, от него зависят такие факторы, как время формирования государства, длительность и форма его существования, но никак не сам факт возможности возникновения государства, как считали советские историки. Высокий уровень развития восточнославянских племен позволил им создать сильное и устойчивое государство, в то время как некоторые соседние степные государства, не имея серьезной экономической основы, существовали в течение жизни одного предводителя.

Возникнув сначала на небольшом пространстве, подчиненном военной силе варяжского князя, Русское государство начало быстро расширять свою территорию, сначала в виде сбора дани, а затем и политически. Это требовало специальной постоянно существующей силы, в лице военной дружины и администрации. А поскольку захват новых земель и управление ими стали теперь делом профессиональным, то этот труд должен был, как-то оплачиваться. Такой формой оплаты служила на первом этапе дань или позже - налог. В результате складывалась целая система для управления территорией государства по общим законам, как в центре, так и на местах. Происходит складывание единого погребального обряда на всей территории племени, появляются общие племенные украшения, чему, кстати, способствовало развитие городских ремесел. Работая на продажу, ремесленники старались удовлетворить спрос на украшения и одновременно стандартизировали их. Расцвету племенных особенностей способствовала и местная администрация во главе с князем, которые всячески подчеркивали исключительность своей территории, старались возвеличить ее. Это проявлялось во всем, начиная от местных украшений, кончая христианскими церквями и летописями. Причем если инициатором независимости выступал князь, то плодами, как правило, пользовалась местная знать. Поддержав князя на первом этапе борьбы за независимость, она, обладая основной экономической базой, старалась поставить князя в подчиненное положение. Если же князь сопротивлялся, его убивали.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что княжество - *это территорий с населением политически подчиненным князю*. Под ело-^{*}вом политика подразумевается возможность самостоятельного решения военно-административных и социально-экономических вопросов, как внутри территории, так и за ее пределами. И чем прочнее внутренняя база князя, тем более агрессивную политику он ведет. Что же касается населения, то оно могло быть любой национальности и уровня развития.

Основными проводниками политики князя выступали города, как центры политической жизни и проводники ее в сельской округе. Среди множества функций города практически никто не упоминает его важнейшую в политическом плане черту, а именно информационную. Города практически были узлами информационного пространства территории княжества. Именно в городе формировалась политика князя, рождалась и развивалась новая общегосударственная

культура, а крестьяне узнавали последние новости и несли их в село. Таким образом, города «взорвали» сельское информационное пространство, которое замыкалось в пределах одного небольшого ландшафта. Этому способствовала и активная миграция населения, в результате которой в сельской общине появлялись чужаки, что с одной стороны усиливало консервацию местных традиций, а с другой стороны обогащало их. Такое расширение информационного поля вело к унификации традиций уже на большой территории и оказывало влияние на формирование как материальной, так и духовной культуры.

Развитие духовной культуры шло по пути стирания местных вариантов и выработки общеплеменных устоев. В этом же направлении развивалась и экономика, где происходил переход к массовому производству стандартных изделий, в том числе и племенных украшений. Таким образом, политика князя и местной знати по созданию собственных институтов управления получила прочный материальный и духовный фундамент, от которого до наших дней дошли археологические и письменные источники, которые широко используются учеными для исторической реконструкции. Реально же, с учетом широкой датировки и фрагментарности археологических артефактов, можно их использовать лишь как дополнение при изучении политической истории на длительном промежутке времени и на большой территории. В качестве самостоятельного источника археологические материалы могут использоваться только лишь в собственно археологических построениях, и только после этого, результаты этих построений можно в опосредованном виде использовать в этнокультурных и общеполитических построениях.

Все это относится и к средневековой истории Западного Поволжья, где пересеклись интересы разных государств и народов. В какой-то степени история этого региона является типичной для Восточной Европы, что придает ей особое значение.

В качестве доказательства существования у каждого народа собственного государства часто используют археологический материал, как факт бесспорного доказательства. Это, конечно, справедливо, когда речь идет об уровне экономического развития и направлениях торговых связей. Археологические памятники позволяют очерчивать и культурную территорию обитания. Но в состав государств входит, как правило, множество племен и народов. Так на территории Древней Руси располагаются памятники, как славянских племен, так и финских, балтских или взять Волжскую Булгарию, где жили тюрки, финны, угры или Хазарский каганат, где к указанным народам можно добавить ирано-язычные племена.

На территории Сурско-Окского междуречья в основном жила мордва, и археологические памятники позволяют даже разделять мокшу и эрзя! В то же время археологические исследования показали, что на севере возле Волги и на западе по Оке мордовские памятники расположены чересполосно с древнерусскими. При этом на одних поселениях отмечается процесс смешения, а на других сохраняется самобытность, хотя они и расположены рядом. Южные памятники мордвы также либо смешивались с булгаро-буртасскими, либо нет. Здесь же распространяются и древнерусские памятники.

С политической точки зрения территория проживания мордвы стала в эпоху средневековья сначала (VII-X вв.) зоной влияния Хазарского каганата, а затем (X-XII вв.) зоной соприкосновения интересов Древней Руси и Волжской Булгарии. Северные земли вошли в состав Владимиро-Суздальской Руси, западные отошли к Муромской и Рязанской землям, южные попали под власть

Волжской Булгарии. Каждый из них старался обложить мордву данью. С этой точки зрения знакомство с государственностью у мордвы произошло не в XIII в., как отмечают многие исследователи, а уже в X-XI вв.

Однако мордовские ученые пытаются найти чисто мордовское государство во главе с князем-мордвином (инязором), что больше связано с политикой, чем с историей. Такая же ситуация, кстати, наблюдается и в исторических трудах ученых других республик Поволжья.

Если же внимательнее почитать письменные источники, то становится вполне очевидным тот факт, что в состав средневекового государства входили разные народы, а свое название оно получало по верхушке того племени, которое устанавливало свою власть. Так Русь получила свое имя вероятнее всего от пришлых дружин русов-варягов, Волжская Булгария - от пришедших на Волгу болгар, Хазария — от хазар и т.д. Жителей образовавшейся страны, независимо от их племенной принадлежности называли теперь по имени государства.

Подобные же процессы происходили, очевидно, и при захвате земель сначала Верхнего Посурья, а затем Примокшанья племенами буртас, от которых и все местные жители стали называться их именем. Но когда они вошли в состав Волжской Булгарии, то отныне они стали называться булгарами, в том числе и их предводитель, который, учитывая значительную удаленность, наверняка постарался сохранить определенную свободу, как и на Руси, где отделялись отдаленные от Киева русские княжества, что довольно ярко описывают летописи.

Тем не менее, идеи о существовании чисто национального государства по-прежнему сильны и даже не подвергаются сомнению. В Сурско-Окском междуречье это относится, прежде всего, к мордве. Среди старых, уже давно устоявшихся представлений можно назвать мнение о существовании у мордвы двух князей Пургаса и Пуреша и Пургасовой Руси. Но так ли это на самом деле? Одним из первых об этом написал 250 лет тому назад Н.М.Карамзин (Карамзин Н.М. 1988. С.165). С тех пор это предположение стало аксиомой и обросло большим количеством домыслов. На основании летописей утверждается, что Пургасова Русь - это часть мордовской земли, а Пургас и Пуреш - мордовские князья (инязоры). Если же мы внимательно приглядимся к содержанию этих текстов, то бросаются в глаза некоторые детали, которые требуют объяснения. Так, летописец, описывая поход 1228 г., отмечает, что князь вступили не только в "землю Мордовскую", но еще и в "Пургасову волость", причем подчеркивается, что тех, кто живет в "Пургасовой волости" победили и пленили, а вот мордва успела убежать в лес.

На наш взгляд, имеющаяся информация не позволяет дать однозначного ответа на этническую принадлежность Пуреша и Пургаса. Важнее другое, то, что, во-первых, ни в одном источнике не говорится ни слова о том, что Пуреш как-то связан с мордвой, а во-вторых, Пурешев сын "перебил всю мордву и Русь Пургасову". То есть мы опять видим, что мордва упоминается отдельно, как и в имеющемся рассказе о походе Пургаса на Новгород, где он был вместе с мордвой. Более того, подчеркивается, что сын Пуреша побил эту самую мордву, причем всю, что довольно странно для мордовского князя. Сторонники мордовской принадлежности Пургаса вообще стараются не замечать этих деталей, но они, все же есть.

Благодаря новым видам материалов по истории этого региона удалось установить, что, начиная с XI в. территории Верхнего Посурья, а затем с XII в.

Верхнего Примокшанья вошли в состав Волжской Булгарии. Наряду со старыми родоплеменными селениями мордвы возникли новые поселения - города, крепости, торгово-ремесленные поселки. В них селились теперь не только земледельцы, но и многочисленные ремесленники, возникали торговые фактории и формировалась местная администрация. Причем этнокультурная принадлежность здесь уже играла второстепенную роль. На первое место вышло экономическое и социальное положение. Этому во многом способствовало появление здесь военных дружин, которые устанавливали здесь свой порядок. В составе дружин были болгары, буртасы и "эскизы", которые, очевидно, играли главную роль, а также мордва, русы и другие племена, представители которых стали активно расселяться на мордовских землях. О совместном проживании этих племен упоминает, в частности, Рашид ад-Дин, который описывает поход Батыя 1237 г. в Поволжье: "сыновья Джучи... занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами..." (Тизенгаузен В.Г., 1941. С.36).

Таким образом, в конце XII в. Волжская Булгария вплотную приблизилась к мордовским землям и, очевидно, пыталась распространить там свое влияние. В результате в начале XIII в. в русских летописях появился Пургас и Пургасова волость. Вполне очевидно, что имя князя наиболее созвучно названию народа буртас, который, в основном, и занимал сурско-мокшанские земли Волжской Булгарии. Поэтому можно предположить, что Пургас являлся буртасским князем, который со своей дружиной (Русью) захватил мордовские земли и установил свою власть. На территории волости появляются погосты для сбора дани и начинают активно распространяться булгарские изделия. В связи с этим Пургасова волость совершенно справедливо трактуется большинством исследователей как территория подвластная князю, причем подвластная политически. Сам же Пургас был ставленником Волжской Булгарии и имел полную поддержку со стороны булгар-буртасской администрации, расположенной в Верхнем Примокшанье. Впрочем, некоторые исследователи идут еще дальше и считают, что "в начале XIII в. княжество Пургаса входило в состав Булгарского государства" (Смирнов А.П., 1951. С.48).

Таким образом, на территории Примокшанья мы наблюдаем, те же самые процессы, что происходили во время складывания и расширения древнерусского государства, когда князья с дружинами захватывали земли соседних племен и распространяли на них свою власть и порядок. Однако, этот процесс на территории мордвы находился лишь в самом начале. Были основаны лишь единичные экономические центры, которые не успели вовлечь в орбиту своего влияния все мордовское население, а вскоре и вовсе прекратили свое существование в связи с монгольским нашествием. Позже на их базе возник золотоордынский улус Мохши, во многом, очевидно, возродивший наследие Пургасовой волости.

Из сообщений разных авторов XIII-XIV вв. совершенно очевидно проглядывает существование двух народов и двух князей на территории Западного Поволжья. Один народ - это моксель (вероятно мокша) во главе с князем, который, как пишет Юлиан, покорился татарам, а Рубрук добавляет, что они чистые язычники, а их государь вместе со своим народом был убит в Германии. Другой народ - мердас, князь которого по Юлиану пытался сопротивляться татарам, а сам народ по Рубруку исповедовал ислам.

Таким образом, авторы фиксируют тот факт, что один народ исповедывал язычество, а другой мусульманство. Исследователи исходя из того, что оба эта

народа относятся к мордве, считают, что Рубрук ошибался. Однако с учетом того, что в Примокшанье существовало множество поселений буртас, входящих в состав Волжской Булгарии, где государственной религией был ислам, нельзя так однозначно отрицать присутствие мусульман среди мордвы. Если же сопоставить имя мердас с именем буртас, то трудно не заметить большого сходства. Исходя из всего этого мы вправе предположить, что один из народов - это буртасы, жившие в Верхнем Примокшанье и Верхнем Посурье, а другой - мордва, жившая на Мокше и Теше. Представителей именно этого народа увели татары в военный поход, не случайно прекращают существование большинство могильников на р.Теша и в Среднем Примокшанье.

Сведения о князьях или государях этих народов подтверждают сведения русских летописей о князе Пургасе, возглавившем волость на территории мордвы, столица которой располагалась вероятнее всего на территории между реками Мокша и Теша. Наиболее подходящим поселением в этом плане является Саровское городище, находящееся в центре этих земель.

Столица же князя народа мердас (буртас) располагалась в Верхнем Примокшанье и вероятнее всего на Наровчатском городище, ставшим впоследствии столицей золотоордынского улуса Мохши. Об этом же свидетельствует и тот факт, что разрыва между домонгольскими и золотоордынскими материалами практически нет.

В "Заключении" автор подводит основные итоги работы. Определены особенности природных зон в регионе, выделены основные очаги проживания и особенности их функционирования. Наряду с этим были прослежены отраслевые изменения и их взаимосвязь с внешним миром. Соединение особенностей разных сфер развития позволило выделить локалитеты и проследить их динамику, характерной чертой которой была неравномерность на разных этапах и территориях.

Основные положения работы отражены автором в следующих публикациях:

1. Белорыбкин Г.Н. Оборонительные сооружения городищ болгарского времени в Пензенском крае (Сурская группа) // Военнооборонительное дело домонгольской Булгарии. -Казань, 1985. -С. 112-120.
2. Белорыбкин Г.Н. Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.-С.8Э-97.
3. Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обугаризированных буртас//Волжская Булгария и монгольское нашествие. - Казань, 1988. -С.82-87.
4. Белорыбкин Г.Н. Древняя история Пензенского края. - Пенза, 1988. - 43 с.
5. Белорыбкин Г.Н. Изучение археологических памятников XI-XIII вв. в Пензенском крае // Из истории области. Очерки краеведов. - Саратов, 1989. - Вып. I. - С.19-24.
6. Белорыбкин Г.Н. Юловское городище -средневековый город Верхнего Посурья // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. — Пенза, 1989.-С.57-58.
7. Белорыбкин Г.Н. Новые открытия на Юловском городище// Поиски и находки. - Саратов, 1990. - Кн.2. - С.3-9
8. Белорыбкин Г.Н. Посуда памятников XI-XIII в.в. Пензенского края // Из истории области. Очерки краеведов. - Пенза, 1990. - Вып. II. - С.74-91

9. Белорыбкин Г.Н. Буртасы XI-XIII вв // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. - Пенза, 1990. - С.14-16.
10. Белорыбкин Г.Н. Южная граница мордвы в VIII-XIV вв. // Новые страницы истории Отечества. - Пенза, 1992. — С.3-10.
11. Белорыбкин Г.Н., Первушкин В.И. Археологические разведки ПГПИ в 1990-1991 годах // Из истории области. Очерки краеведов. - Пенза, 1992. - Вып III. - С.71-84.
12. Белорыбкин Г.Н. Этнокультурная характеристика памятников с ККГП // Вопросы этнической истории Волго-Донья. - Пенза, 1992. - С.69-70.
13. Белорыбкин Г.Н. Буртасы и Волжская Булгария // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. - Пенза, 1992. - С.25-32.
14. Белорыбкин Г.Н. Юловское городище и проблема города // Историческое краеведение: Материалы II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. - Пенза, 1993. - С.23-29.
15. Белорыбкин Г.Н. Волго-Окское междуречье в эпоху средневековья// Из истории области. Очерки краеведов. -Пенза, 1993. -Вbin.IV. -С.57-63.
16. Белорыбкин Г.Н. Технология строительства фортификаций средневековых поселений Верхнего Посурья // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). - СПб., 1995. - С.108-109.
17. Белорыбкин Г.Н. Городища X-XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья. - Пенза, 1995. -С.41-61.
18. Белорыбкин Г.Н. Археологическая карта Пензенской области //История Пензенского края: Учеб для осн. шк. -Пенза, 1996. —4.1.
19. Белорыбкин Г.Н. Карта: Древнейшие люди на территории Пензенского края //История Пензенского края: Учеб для осн. шк. -Пенза, 1996. -4.1.
20. Белорыбкин Г.Н. Карта: Народы и государства Среднего Поволжья в V-IX веках // История Пензенского края: Учеб для осн. шк. -Пенза, 1996. -4.1.
21. Белорыбкин Г.Н. Карта: Народы и государства Среднего Поволжья в X-XIII веках//История Пензенского края: Учеб для осн. шк. -Пенза, 1996. -4.1.
22. Белорыбкин Г.Н. Карта: Золотая Орда и Улус Мохши // История Пензенского края: Учеб для осн. шк. -Пенза, 1996. -Ч.1.
23. Белорыбкин Г.Н. Археология Пензенского края в конце XIX-начале XX вв. // Страницы истории Волго-Донья. - Пенза, 1997. - С.20-27.
24. Белорыбкин Г.Н. Изучение буртас: итоги и перспективы // Краеведение. - Пенза, 1998. - №1-2. - С.31-35.
25. Белорыбкин Г.Н., Гусев Л.П., Мельниченко О.В., Ставицкий В.В. Поляков В.А. Очерки Наровчатской истории. - Пенза, 1999. - 148 с.
26. Белорыбкин Г.Н. Древнейшие христианские символы Верхнего Посурья и Примокшанья // Краеведение.:- Пенза, 1999. - Спецвыпуск. - С.79-83.
27. Белорыбкин Г.Н. Основные итоги археологического изучения средневековой истории Сурско-Окского междуречья// Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы межд. науч. конф. -Ижевск, 2000. - С. 160-162.
28. Белорыбкин Г.Н. Средневековая история // Край родной мой - Шемышейский. -Пенза, 2000. -С.21-31,
29. Белорыбкин Г.Н. Военно-оборонительная археология Среднего Поволжья в X-XIII в. // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы архео-

- логии Волго-Камья /Труды ГИМ. - Вып.122. - М., 2000. - С.165-169.
30. Белорыбкин Г.Н. Княжество на Руси и Пургасова волость // Исторические записки. - Пенза, 2000. - Вып.4. - С.231-242.
31. Белорыбкин Г.Н. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье //Аскизские древности в средневековой истории Евразии. - Казань, 2000. - С. 128-149.
32. Белорыбкин Г.Н. Мордовские украшения X-XIII вв, в Верхнем Посурье /f Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). - Саранск, 2000. - С.40-44.
33. Белорыбкин Г.Н. Археологическая карта // Пензенская энциклопедия. — М., 2001.-С.29.
34. Белорыбкин Г.Н. Булгария (Болгария) Волжско-Камская // Пензенская энциклопедия. - М., 2001. - С.72-73.
35. Белорыбкин Г.Н. Мода на украшения на территории Верхнего Посурья в IX-XI вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Материалы III межд. археолог, конф. - Самара, 2001. -С.214-225.
36. Белорыбкин Г.Н. Проблемы средневековой археологии и истории Сурско-Окского междуречья //1 Лебедевские чтения. - Пенза, 2001. -С.15-18.
37. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. - СПб-Пенза, 2001. - 198 с.
38. Белорыбкин Г.Н. Вклад М.Р.Полесских в развитие археологии Поволжья // Личность в истории. Вестник Чувашского государственного педагогического университета. -Чебоксары, 2002, - С.200-203.
39. Белорыбкин Г.Н. Распространение гончарной посуды в Западном Поволжье // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. - Казань, 2002.-С.136-139.
40. Белорыбкин Г.Н. Путь из Булгара в Киев // Великий Волжский путь: история формирования и развития / Материалы междунар. науч.-практ. конф. - Казань, 2002. -Ч.Н. -С.63-81.
41. Белорыбкин Г.Н. Хронокартография средневековых древностей Западного Поволжья и вопросы взаимодействия с Приуральем // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья / Материалы междунар. науч. конф. - Ижевск, 2002. - С.132-143.

Подписано в печать 21.03.2003. Формат 60x84 1/16
Печать электрографическая Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз.
Поз. 258 Заказ №77/03

Отпечатано в мини типографии
г.Пенза, ул.Московская, 74.